

М. КУЗМИН

Дневник

1917-1924

Книга 1

(1917-1921)

18+

Дневник 1917-2024

Михаил Кузмин

**Дневник 1917–1924.
Книга 1. 1917–1921**

«Издательство Ивана Лимбаха»

1917-1921, 2025

УДК 821.161.1-94 «19»
ББК 84.3 (2=411.2) 6-49+63.3 (2) 61

Кузмин М. А.

Дневник 1917–1924. Книга 1. 1917–1921 / М. А. Кузмин —
«Издательство Ивана Лимбаха», 1917-1921, 2025 — (Дневник
1917-2024)

ISBN 978-5-89059-563-8

Дневник Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) можно рассматривать как художественное произведение, не менее важное, чем его проза, поэзия или драматургия. Для Кузмина это был эстетический проект, соотнесенный с динамикой его творческих задач. Выход части Дневника спустя век после написания должен заполнить лауну в наших знаниях не только о жизни и творчестве поэта, прозаика и драматурга, но и об атмосфере и событиях первых пореволюционных лет Петрограда – Ленинграда, о литературе и театре той поры. Потенциальный читатель Дневника – не только исследователь культуры, но человек, который любит и погружаться в прошлое, и способен прочитать текст 1924 года на фоне современных событий.

УДК 821.161.1-94 «19»
ББК 84.3 (2=411.2) 6-49+63.3 (2) 61

ISBN 978-5-89059-563-8

© Кузмин М. А., 1917-1921, 2025
© Издательство Ивана
Лимбаха, 1917-1921, 2025

Содержание

Предисловие	6
Дневник 1917	13
Октябрь 1917	13
Ноябрь 1917	17
Декабрь 1917	22
Дневник 1918	27
Январь 1918	27
Февраль 1918	33
Март 1918	36
Апрель 1918	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Кузмин

Дневник 1917–1924. Книга 1. 1917–1921

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Проект № 06-04-00532а

Под общей редакцией А. С. Пахомовой

- © Российский государственный архив литературы и искусства
- © А. С. Пахомова, вступительная статья, подготовка текста, комментарии, 2025
- © К. В. Яковлева, подготовка текста, комментарии, 2025
- © Н. А. Богомолов (наследники), подготовка текста, комментарии, 2025
- © С. В. Шумихин (наследники), подготовка текста, комментарии, 2025
- © Н. А. Теплов, оформление обложки, 2025
- © Издательство Ивана Лимбаха, 2025

Предисловие

Том Дневника М. А. Кузмина ¹, который читатель держит в руках, шел к изданию более тридцати лет. Впервые публикация отдельных записей из дневников Кузмина разных лет, в том числе относящихся к 1917–1924 гг., была осуществлена К. Н. Суворовой в 1981 г. ². Полностью Дневник 1921 г. был опубликован Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным в 1993 г. ³

Публикация Дневника за 1921 г. стала для комментаторов, Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина, первым опытом работы с Дневником, за которым последовало образцовое издание томов, охвативших период с 1905 по 1915 г. ⁴, а также отличающийся в подходе к изданию – но не уступающий в уровне проработки текста и комментария – Дневник 1934 г., подготовленный Г. А. Моревым ⁵.

Интенсивная работа над изданием всего корпуса Дневников Кузмина приостановилась на несколько лет после выхода первых и последнего тома и вновь возобновилась в 2012–2015 гг., но так и не была завершена. Трудности с доступом к тексту ⁶ создали парадоксальную ситуацию: многие исследователи, даже будучи специалистами по истории литературы начала XX в., не подозревали о существовании еще нескольких томов Дневника; другие цитировали отдельные записи по редким публикациям или обращались непосредственно к оригиналу, который год от года становился все более труден для прочтения.

Чтобы разобраться в причинах, задержавших издание пореволюционных томов Дневника почти на 30 лет, нужно описать сам этот текст. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин неоднократно отмечали проблемные точки Дневника, главной из которых называли неоднородность текста в разных его тетрадах. Записи конца 1900-х гг. пространны и художественны: преобладают подробные, обстоятельные рассказы о ежедневных событиях, дается эмоциональная оценка произошедшего, фиксируются планы и замыслы. Но уже начиная со второй половины 1910-х гг. Дневник заметно меняется: записи становятся все более лапидарными, возникают многочисленные сокращения, появляется скупой, едва ли не хроникальный тон повествования, почти лишенный эмоционального отношения. Эти тенденции усиливаются в Дневнике 1917–1921 гг., когда записи особенно лаконичны, порой темны и нередко сводятся к перечислению произошедших событий и встреченных людей, имена которых зашифрованы, причем зачастую – лишь одной буквой.

В эти годы Кузмин часто заполнял Дневник постфактум, знаком чего стала фраза «Что же было?». Динамика одной этой фразы хорошо показывает общие изменения в Дневнике. Впервые она появится в записи от 29 марта 1907 г.: «Пишу через день, плохо помня, что было». В записях 1905–1907 гг. эта фраза в разных видах («Что же было», «Не помню, что было», «Что было» и др.) встречается примерно 8 раз; в Дневнике 1908–1915 гг. – около 80 раз. В Дневнике 1917–1924 гг. ее можно встретить более 200 раз.

¹ Далее мы будем использовать слово Дневник (с прописной буквы) применительно к дневнику М. А. Кузмина, в прочих случаях – с маленькой буквы.

² Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / Предисл. и публ. К. Н. Суворовой // Литературное наследство. 1981. Том 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 162–164.

³ Кузмин М. А. Дневник 1921 года / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. 1993. Т. 12. С. 423–494; Т. 13. С. 457–524.

⁴ Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000; Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.

⁵ Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. А. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998 (2-е изд., испр. и доп.: СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011).

⁶ Дневник, хранящийся в фондах РГАЛИ, выдается исследователям только в виде микрофильмов.

Изменения в манере ведения Дневника объясняли по-разному. Н. А. Богомолов считал, что с середины 1910-х гг. отношение Кузмина к художественному творчеству начинает меняться, что приводит к кризису 1920-х гг. Отражением этого процесса стала скупая хроникальность и документальность Дневника ⁷. Г. А. Морев, осознавая «надлитературный» статус Дневника, связывает изменения, произошедшие внутри текста, с переменами в историко-культурной ситуации и постепенным оттеснением Кузмина на периферию литературной жизни: «...с конца 1910-х годов, с резким изменением обстоятельств литературной и частной жизни Кузмина, „разительный рельеф“ Дневника <...> и его стилистическая поверхность меняются. <...> Это был *дневник неудачника*» ⁸.

Новый способ ведения Дневника поставил комментаторов перед неожиданной проблемой. Подробный Дневник с 1905 по начало 1910-х гг. хорошо поддается чтению и комментированию. Не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что дневник этих лет несет на себе приметы художественного стиля кузминской прозы. Например, запись от 10 декабря 1905 г. начинается так:

Утром над туманной багровой зарей зеленело ясное нежное небо с узеньким, будто дрожащим, серебряным серпом ущербующего месяца. Сгустившиеся потом облака разгонялись ветром и из опаловых, голубых, розовых, желтых тонов вдруг разорвались в яркие розовые клочья по голубому небу, от которых снег багровел без видимого солнца... ⁹

Стиль развернутой пейзажной зарисовки, особенно увлечение Кузмина цепочками прилагательных, прямо отсылает к кузминской прозе, например к такому фрагменту из «Крыльев»:

Они шли по прямой дорожке через лужайку и клумбы с неясными в сумерках цветами к террасе; беловатый нежный туман стлался, бежал, казалось, догоняя их; где-то кричали совы; на востоке неровно и мохнато горела звезда в начавшем розоветь тумане... ¹⁰

Но сравним с фрагментами записей от 10 декабря других лет:

Был в театре; кажется, не очень-то понравилась моя музыка. Юрочка расстроился. Поехал к Нагродской. Встр<етил> Гюнтера, Лукомского и Анненкову-Бернар. Последняя тащила меня в какой-то подъезд, чтобы я писал какому-нибудь московскому миллионеру. Завтракали не плохо, беседовали. Пришел Гюгюс, много говорил о Всеволоде... (1912 г.) ¹¹

Звонил Софронову и Уконину. Уконин обещал заехать и звал обедать. Заехал, но мало чего взял. Поехали к Альтману. Там много знакомых. Мне нравятся художн<ики>. Пили, показывали номера, Гранди трогателен, как мастеровой. Все танцевали. Сара Лебедева пела солдатские песни. Лизетта и Тамара Мих<айловна> оделись в мужской наряд. Ос<ип> Макс<имович> танцевал бачей... (1917 г.)

⁷ См. об этом преамбулу к Комментарию в наст. изд.

⁸ Морев Г. А. Казус Кузмина // Кузмин М. А. Дневник 1934 года. С. 8. Разрядка Г. А. Морева.

⁹ Кузмин М. А. Дневник 1905–1907. С. 82.

¹⁰ Кузмин М. А. Крылья // Кузмин М. А. Проза и эссеистика: в 3 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Г. Домогацкая и Е. А. Певак. М.: Аграф, 1999. Т. 1. С. 128–129.

¹¹ Кузмин М. А. Дневник 1908–1915. С. 383.

Побежал в «Литературу». Там Сологуб, Слезкин, Гумилев. Холодно очень. Прибежал писать статью. Юр. нет в лавке, звонил, звал. Дома писались, но не успел всего. Настроение хорошо. (1918 г.)

Мороз ликует, на солнце окна тают и сейчас же замерзают. Сидел дома. Юр. до обеда спал, потом побежал. Мамаша пошла в баню. Читаю без памяти. Мерзнут ноги. Юр. пришел поздно. Наташил всего. После чая пошел было к О. Н., но попал в кинематограф. Тихо, луна светит, печально, писать хочется до смерти... (1921 г.)

Язык Дневника и подача событий в нем заметно меняются, отделка стиля становится минимальной, рассказ оборачивается почти документальной хроникой, события в которой мелькают, словно кадры киноплёнки. Беглый текст Кузмина 1917–1924 гг. больше напоминает записную книжку, в которую писатель небрежно, понятным лишь ему одному образом, заносит список событий и встреченных лиц. Большая часть имен и фамилий дана в сокращенном виде, что осложняет идентификацию людей; события описываются скупо (а важные исторические порой и вовсе опущены); оценки и личное отношение Кузмина поданы косвенно, через специфические фразы или слова. Кроме того, из Дневника исчезает любая связь с творчеством писателя: он редко фиксирует свои замыслы или работу над произведениями, сводя все к краткому «Писал». Обстоятельства Дневника тех лет – переменчивый быт рубежа 1910–1920-х гг. с его лишениями, бедностью, быстрой сменой реалий и нравов, слухами и сиюминутными потребностями.

Все это влияет не только на восприятие текста, но и на работу комментатора. Нередко последний вынужден отступить, признав свое поражение перед герметичностью кузминского текста, перенасыщенного именами и событиями, которые были понятны автору, но которые он даже не пытался сделать хотя бы немного понятными потенциальному читателю. Как отмечали первые публикаторы, «чтобы верно проникнуть в его [Дневника] суть, надо обладать определенным ключом или ключами, ибо далеко не на все интересующие читателя вопросы текст отвечает прямо и недвусмысленно. Скорее наоборот: довольно часто попадаются непонятные, зияющие провалы. <...> Порой приходится лишь догадываться о том, что Кузмин в том или ином случае имеет в виду, и далеко не всегда эти моменты поддаются точному комментированию»¹².

Поэтому перед комментаторами встала невероятно сложная и беспрецедентная задача: нужно было связать текст Дневника с эпохой, погрузив в тот контекст, от которого сам автор, вероятно, хотел дистанцироваться, но который тем не менее был для него органичной средой. Если прибавить сюда скудость дошедших до нас документов о жизни и творчестве Кузмина, особенно периода 1917–1919 гг., большие лакуны в сохранившихся подшивках газет и журналов тех лет, стремительную смену культурного ландшафта – порой столь быструю, что она отразилась в записях Кузмина, но ей не нашлось места в истории петербургского быта тех лет, – то не покажется невероятным, что 250-страничный комментарий потребовал напряжения сил, мастерства и воображения многих замечательных филологов.

Но значит ли это, что текст Дневника представляет интерес только для исследователей истории общества и литературного быта первых пореволюционных лет? Разумеется, нет. Новый Дневник сохраняет характерные приметы кузминского стиля: изящество, лаконизм, гибкость фразы, особое сочетание высокой и низкой лексики. Кузмин, как никто другой, смог передать характерный ритм пореволюционного времени – порой размеренный, даже монотонный, а порой драматично надрывный. Дневник затягивает читателя в воронку дел давно прошедшей эпохи; он умеет заинтересовать, отвлечь от событий XXI века случаями и слухами

¹² [Богомолов Н. А., Шумихин С. В.] Предисловие // Кузмин М. А. Дневник 1905–1907. С. 10.

века XX. В Дневнике Кузмин подтверждает статус одного из самых талантливых прозаиков своего времени, способного видеть поэзию повседневности и приоткрывать красоту рутины.

Очевидная продуманность Дневника позволяет предположить, что изменение способа его ведения, пришедшее на середину 1910-х гг., было тактическим шагом Кузмина. Тщательность, с которой он многие годы вел поденные записи, говорит о важности для него этого текста (или практики его ведения). Можно было бы посчитать произошедшие изменения лишь прихотью автора, если бы не одно обстоятельство: постоянное (и в итоге осуществившееся) желание Кузмина продать Дневник для публикации. Мысли о продаже посещали Кузмина с 1918 г.: в январе этого года он вел переговоры с коллекционером М. А. Ростовцевым, в мае – с библиофилом С. А. Мухиным; в марте 1919 г. он планировал продать Дневник издателю З. И. Гржебину. Эти попытки оказались неудачными. В 1921 г. Кузмин продал Дневник издательству «Петрополис», однако публикация не состоялась. Финальная, успешная, попытка относится к 1933 г., когда Кузмин передал в Государственный литературный музей свой архив, включающий и тома Дневника ¹³.

Продажа для публикации вскрывает очевидное противоречие: если автор предполагал возможное отчуждение Дневника, то почему он не стремился сделать текст если не интересным, то хотя бы минимально понятным потенциальному читателю? Более того, перспектива публикации не изменила способа ведения записей: Дневник 1921 г. (создаваемый уже после запланированной продажи в 1920 г.) – столь же темный текст, как Дневник более ранних лет. Кузмин не видел необходимости менять способ записи в угоду читателю, потому что видел в Дневнике законченную художественную форму. Что это была за форма, мы постараемся прояснить ниже.

С момента начала известных нам записей (с 22 августа 1905 г.) Кузмин выстраивает специфические отношения между своими художественным и жизненным текстами, неразрывно связывая их друг с другом. Для раннего кузминского творчества (1906–1912) в целом характерно намеренное неразличение автора, лирического героя и персонажа ¹⁴. Последнее особенно заметно в повести «Крылья» или в цикле «Александрийские песни», где Кузмин придает своим героям автобиографические черты (что в итоге привело автора «Александрийских песен» к похвале за глубокое проникновение в дух эпохи, а автора «Крыльев» – к поруганию и обвинению в порнографии) ¹⁵. Слияние автора и героя стало на первых порах литературной стратегией Кузмина и принесло ему скандальную славу: к примеру, критиков возмутило, что в повести «Картонный домик» и цикле «Прерванная повесть» Кузмин изобразил реальную ситуацию, произошедшую с ним и его возлюбленным ¹⁶. Дневник стал для Кузмина воплоще-

¹³ История написания, попыток публикации и посмертной судьбы Дневника исчерпывающе изложена С. В. Шумихиным: *Шумихин С. В.* Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Под ред. Г. Морева. Л., 1990. С. 139–145; Три удара по архиву М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 163–169.

¹⁴ См. об этом: *Богомолов Н. А.* Автобиографическое начало в раннем творчестве Кузмина // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Исследования и материалы. М.: НЛЮ, 1995. С. 117–150.

¹⁵ Ср.: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: „Скажите откровенно, сколько вам лет?“ – но не решаешься, боясь получить в ответ: „Две тысячи“. Без сомнения, он молод, и, рассуждая здраво, ему не может быть больше 30 лет, но в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память. <...> Несомненно, что он умер в Александрии молодым и красивым юношей и был весьма искусно набальзамирован» (*Волошин М. А.* «Александрийские песни» Кузмина. «Весь», июль 1906 г. // Русь. 1906. № 83. 22 дек.) и «Сам он <Штруп. – А. П.>, однако, как и другие герои повести, как и сам автор являются сторонниками не всякой любви, а любви пожилых мужчин к юным мальчикам» (*Новополин [Нейфельд] Г. С.* Порнографический элемент в русской литературе. СПб., 1909. С. 158).

¹⁶ См. об этом: *Панова Л. Г.* Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2 кн. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. Кн. 1. С. 334–348; *Пахомова А. С.* Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Tartu: University of Tartu Press, 2021. С. 22–40.

нием идеи «жизнетворчества», которую разделял круг «башни» Вяч. Иванова, куда Кузмин был вхож в первые годы своей литературной карьеры¹⁷.

Однако уже в начале 1910-х гг. вектор творчества Кузмина резко изменился. Кузмин вышел из-под влияния Иванова и его жизнетворческой стратегии, что символически проявилось в смене места жительства: из комнаты в знаменитой «башне» он уезжает и, сменив несколько адресов, останавливается в квартире на Спасской улице (с 1923 г. и поныне – улице Рылеева), где проживет до конца своих дней. В середине 1910-х гг. меняются и творческие пристрастия Кузмина: он пишет заметно больше прозы, но место изысканных стилизаций в духе «Приключений Эме Лебефа» или «Подвигов великого Александра» постепенно заняли картинки из «повседневной жизни», похожие на газетные фельетоны (краткие рассказы вроде «Платонической Шарлотты», «Завтра будет хорошая погода», «Измены» и др. составили пять томов прозы). Тогда же началась в полной мере карьера Кузмина-критика. Этот период исследователями обыкновенно оценивается как упадок творчества автора, принесение им своего таланта в жертву быстрой славе и достатку; мы считаем, что это был целенаправленный отход от тяготившего автора жизнетворчества¹⁸, выход из замкнутого символистского круга к широкому читателю, которого всегда желал Кузмин.

Если соотнести дневниковые записи Кузмина с его прозой, то можно отметить, что они претерпели сходные изменения: стиль стал лаконичнее и суше, сюжет – проще, а потенциальный читатель теперь – не утонченный посетитель «башни», а человек улицы – современник, рефлексирующий повседневный опыт. В эти годы Кузмин переосмыслил и свой подход к задачам писателя. С середины 1910-х он активно защищал в своей критической прозе идеи о приоритете простого языка и стиля автора над экспериментальной прозой и сложными сюжетными схемами:

Новизна сюжетов скорее всего изнашивается. Почти все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным. Лучшая проба талантливости – писать ни о чем, что так умеет делать Ан. Франс, величайший художник наших дней...

Так писал Кузмин в 1914 г.¹⁹ Отметим, что движение к простоте он начал еще в известной статье «О прекрасной ясности» (1910), где провозгласил: «Если вы совестливый художник, молитесь, чтоб ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой: в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово, как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны...»²⁰. Параллельно писатель начал все больше обращаться к современности, пытаясь найти новый художественный язык, чтобы точнее отобразить происходящее вокруг. Большое количество рассказов, которые Кузмин создает в 1910-х гг., отвечает этой задаче: в них варьируется небольшой набор повседневных сценариев (измена, случайная встреча, нечаянный обман, таинственное совпадение и т. д.) и стирается граница между художественной прозой и зарисовкой «с натуры». Этот интерес Кузмина также можно заметить в лирике, посвященной февральским событиям 1917 г., когда писатель использовал газетную риторику, хронику, монтажный принцип, сокращая дистанцию между событиями, их восприятием автором и моментом создания текста (таковы стихотворения «Русская революция», «Волынский полк»).

¹⁷ См. об этом: *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Исследования и материалы. С. 67–98.

¹⁸ См. анализ творчества этого периода: *Пахомова А. С.* «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации // *Slavica Revalensia*. 2021. Vol. 8. P. 56–79.

¹⁹ *Кузмин М. А.* Раздумья и недоуменья Петра Отшельника // Кузмин М. А. Проза и эссеистика. Т. 3. С. 363.

²⁰ *Кузмин М. А.* О прекрасной ясности (Заметки о прозе) // Там же. С. 10.

Дневник постепенно превращается в творческую лабораторию: в нем Кузмин разрабатывает идеи письма «ни о чем», следуя заветам Франса. Итогом стало появление двух дублетных текстовых пространств, выполняющих схожие задачи, – прозы и Дневника. И здесь можно увидеть любопытную картину. В середине 1910-х гг., когда Кузмин только осваивал новый стиль ведения Дневника, в его творчестве резко возросла роль прозы²¹. Но затем количество прозаических произведений начало неуклонно снижаться: после 1918 г. и до конца жизни Кузмин не создал и полутора десятков романов и рассказов (из числа дошедших до нас; три романа из этого числа остались незаконченными). В то же время ведение Дневника не прервалось. Даже напротив: примерно с 1921 г. записи стали длиннее и пространнее (хотя и не приблизились к стилю 1900-х гг.). В форме Дневника написаны также несколько рассказов Кузмина («Пять мартовских дней», 1915; «Подземные ручьи», 1922; неопубликованные при жизни «Печка в бане» и «Пять разговоров и один случай»); в похожем на Дневник стиле составлено собрание короткой прозы «Чешуя в неводе» (1922). Можно сказать, что Дневник постепенно поглотил иную прозу Кузмина, став его главным прозаическим произведением²².

Следовательно, лаконичная фиксация событий и скупой язык Дневника – не результат утрат, а намеренно реализуемая поэтика. Нам представляется, что с середины 1910-х (и до момента создания Дневника 1934 г.) Кузмин четко отграничивал творчество от повседневной жизни, словно открещиваясь от художественной стратегии 1900-х гг. и преодолевая в себе «символиста». В дневниковые записи тех лет редко попадают упоминания художественных текстов, не говоря уже об их замыслах (их Кузмин фиксировал в записных книжках и рабочих тетрадях²³), что особенно заметно на фоне слияния художественной прозы и Дневника в период жизни писателя на «башне».

Стилистически неоднородный, погруженный в быт и житейские дразги Дневник Кузмина разрушает не только литературную репутацию эстета, сложившуюся вокруг писателя в 1900-е гг., но и в целом жизнетворческий проект начала XX в. Намеренно показывая себя вне творчества, на фоне живой и зачастую неприглядной жизни, Кузмин совершает акт беспрецедентной открытости, выступая перед читателем прежде всего несовершенным человеком, простым проживателем жизни, а не писателем, поэтом или композитором.

Приведем несколько примеров. Так, внимательный к языку Кузмин, снискавший в 1900-е гг. репутацию безукоризненного стилиста, в Дневнике рубежа 1910–1920-х нередко пишет о своей жизни в «низком» регистре, будто бы не заботясь о стиле. В записях тех лет можно встретить сниженные выражения: «поплелся под дождем на Николаевскую» (14 апреля 1921 г.), «Поперся к Матвию» (31 октября 1917 г.), «сидел Энгельгардт и разводил какую-то бодягу» (25 июля 1919 г.); разговорные грамматические формы: «Я писался» (20 декабря 1917 г., 29 января 1918 г., 6 марта 1919 г.); синтаксические небрежности: «Положим, были бы деньги, я бы мог один и внешне поддерживать свой вид; из уважения, снобизма, тщеславия, карьеры кто-нибудь согласился бы на роман со мною, разве это меня бы устроило, когда я люблю Юр., как родного, домашнего, из каких-то воспоминаний детства идущего» (20 июля 1923 г.). Художественная задача отразить живое течение жизни в ее несовершенстве постепенно становится для Кузмина более важной, чем стилистическая отделка текста. Неслучайно именно в эти годы формула о трогательном несовершенстве мира проникает и в лирику Кузмина, и в стихотворении 1919 г. он пишет: «Несовершенство мира – милость Божья!»

²¹ С 1906 по 1912 г. включительно в печати появилось 17 рассказов, романов и повестей Кузмина, а за следующее пятилетие, с 1913-го по 1917-й, их вышло около восьмидесяти.

²² Кроме того, в своеобразный дневник выстраивается и критическая проза Кузмина: сотрудничая в газете (затем журнале) «Жизнь искусства», за два с половиной года (1918–1920) он написал около семидесяти заметок о текущих культурных событиях.

²³ См. записные книжки, хранящиеся в РГАЛИ (Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 44–49), и рабочую тетрадь 1920-х гг. из собрания ИРЛИ РАН (РО ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319).

В эти годы писатель находит и свой ориентир – в дневнике братьев Гонкур, о чтении которого он запишет 28 марта 1920 г.: «Это чудо. М<ожет> <быть>, в XIX веке нет другой такой книги». Намеренная безыскусность дневника Гонкуров, отсутствие отбора событий, художественной отделки и установка авторов на стремление точно передать современность, «подмечая <...> то неуловимое, в чем передается само биение жизни»²⁴, позволяют назвать этот текст прецедентным для Дневника Кузмина.

Так Дневник подспудно обрел особый статус в творческой системе Кузмина. Теснее прочих текстов автора связанный с действительностью, прямо погруженный в современность и моментально фиксирующий происходящее, он постепенно стал тем идеальным произведением «ни о чем», о котором Кузмин писал в критике середины 1910-х. В то время как проза и поэзия фиксировали творческий процесс автора, Дневник показывал жизнь обыкновенного человека. Лишь совмещение этих текстов, чтение одного на фоне другого, помогает составить полноценное представление о личности и фигуре их автора. Подобной открытости русская традиция до того момента не знала. Кузмин буквально «выковал» в своей дневниковой прозе автора нового типа – близкого к читателю, погруженного в незначащий быт, но прозревающего в нем настоящую красоту.

С этой точки зрения Дневник можно рассматривать как столь же важное художественное произведение, что и проза, поэзия или драматургия Кузмина. Едва ли сам автор предполагал, что Дневник будет восприниматься потомками только как документ эпохи – для него это был эстетический проект, соотношенный с динамикой его художественных задач. Однако исследователи обошли вниманием самую большую, почти эпическую по размаху, прозу автора, воспринимая ее как доступную только одному виду чтения, документальному. Публикация новых томов Дневника должна помочь исправить эту ситуацию.

Если изменить подход к тексту Дневника, его можно вывести из непосильного для исследователя и комментатора бремени тотального реального комментария в пространство анализа: лингвистического, поэтического, контекстуального. Таким образом, мы в полной мере можем осуществить ту операцию, о которой писали Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин: «...совершая мысленный путь от дневника к прозе и поэзии, а от них снова возвращаясь к дневнику, читатель обретает возможность воссоздать тот текст жизни, который оставил нам М. Кузмин»²⁵.

Выход части Дневника спустя век после написания последнего из представленных в издании томов должен заполнить лакуну в наших знаниях не только о жизни и творчестве Кузмина, но и об атмосфере и событиях первых пореволюционных лет Петрограда–Ленинграда, о литературе и театре той поры. В некоторых случаях Дневник оказывается единственным документом, фиксирующим тот или иной факт общественной и культурной жизни, настроения обывателей или биографические обстоятельства многих из упомянутых в записях людей. Потенциальный читатель Дневника – не только филолог и комментатор; это еще и человек, который искренне любит погружение в память и разгадывание загадок прошлого. Михаил Кузмин оставил нам хронику своей жизни и летопись бурной эпохи. Пришло время прочитать текст 1924 года на фоне событий 2024-го и понять, как изменились за это время культура, общество – и люди.

Александра Пахомова

²⁴ Гонкур Э. де, Гонкур Ж. де. Дневник: Записки о литературной жизни: Избр. страницы: В 2 т. / Сост. и коммент. С. Лейбович, вступ. ст. В. Шор. М.: Худож. лит.-ра, 1964. Т. 2. С. 36.

²⁵ [Богомолов Н. А., Шумихин С. В.] Предисловие. С. 5–11.

Дневник 1917

Октябрь 1917

13 (пятница)

Поговорив вчера вечером о делах, мы оба расстроились. Я жаловался на холод и что утром мешают работать. Юр. сказал: «Сидите пишите». Сам забрал хорошие книжки, которым вчера так радовался, и под дождик побежал. Стыдно мне стало ужасно. У меня топили печку, обедали дома. Юр. притащил мне Араго¹. Стыд ужасный. Пошли еще по букинистам. Пили чай у Филиппова². Зашли к Мелентьевичу. Сидят дремлют, ждут гостей: Ясного и Щеголева. Пили хорошо чай с сладостями. Тухло электричество. Думали, что цеппелины³. Домой зашли. Юр., голубь, побыл. У Леви картеж. Они ухаживают за Юр. и сторонятся меня. В «Привале» репетиция отменена⁴, чаем нас не попоили, так домой и пошли. Граф и Шапорин меня угнетают немного. Евреинов шутовался и пополз к Л. Андрееву⁵. Олыг<а> Аф<анасьевна> сиротливо сидела, приплелась под дождем. Какой-то наглядный развал. Лурье все-таки какой-то свинятка.

14 (суббота)

Писал хорошо, хотя разбудили меня и поздновато. Звонили разные личности. Пришел Феликс. Планы разные. Боюсь его визитов в Павловск. Евд<окия> Ап<оллоновна> всех со мною ссорит. Вышли купить бумаги, и только. Весь вечер дома, мирно и хорошо. Луна светит. Юр. наклеивал картинки в альбом⁶. Хозяева запираются на два ключа. Читали Диккенса⁷.

15 (воскресенье)

У Юр. был Морозов. Один он гораздо лучше. При нем пришел Петров. Не очень понравился он мне и торговался, как жид. Мамашу заарестовали в кухне. Не знаю, как вывернусь. Писали вечером, купили к чаю кое-чего. Пришел Мелентьич с Кондыревым, Феликс, Петников и Петров, очень милы. Только чая не было. Спорили. Юр. читал «Одухотворенность»⁸. Пошли в «Привал». Бобиш мечтает о «Безумцах»⁹. Звонил еще Лурье и Анненковы. Сологубы приехали¹⁰. Новостей масса. Писать, писать!

25 р.

16 (понедельник)

Юр. побежал с утра. С Ал. Петр<овичем> разминулся; заболел зуб; пришел, лег. Чацкина звонила. Звала Елиз<авета> Кл<авдиевна> в цирк, масса удовольствия¹¹. Пришел Феликс. Юр. наклеивал. Двинулись. Вера Ал<ександровна> не поехала из-за глаз. Борис весел и ничего себе. Обед приятен очень. Бобиш поехал относительно «Сольвейг»¹². Были 2 жида, потом Альтман и Гранди. Елен<а> Ал<ександровна> оживляла. Вернулся Боб с успехом, пили красное шампанское и ликер. Планы, планы. Ночь дивная. Такая луна и тепло. Швейцара не дозволили¹³.

300 <р.>

17 (вторник)

С утра пошли к Филиппову, потом они покупать, я домой. Вернулся Юр. Обедали у Чацкиной. Юр. торопился домой, я на репетицию, которая не состоялась. Были там мальчики.

18 (среда)

Что было? не помню. Печально как-то в лавке, было холодно и пусто. Плелись с Феликсом. Репетиции, кажется, не было опять, т. к. у Павловой нога болит¹⁴.

19 (четверг)

Писал, писал без памяти. Кожеб<аткина> все не мог поймать. Чудная погода. Ходил к Софье Ис<ааковне> за чаем, завтракал и толковал о страстях. Юр. созвонился с Бриками, а к нам пришел Хлебников. Вместе отправились. Они переезжают. Квартира большая, хозяйственная. Привольное житье¹⁵. Поели у Филиппова. Картиночки у Юр. не купили. Дома писали и дописали.

20 (пятница)

Поправляли. Солнце светит. Феликс пришел. В «Вене» сидели ждали, а Мелентьич ждал в другой комнате. Всё порешили. С Юр. они толковали. Заезжали за сладким. Пили весело чай. Юр. всё хотелось вина, но в кабинеты нас не пустили нигде¹⁶. Ели в «Ярославце». Потом были в кинемо¹⁷. Не побыл Юр.

125 <р.>

21 (суббота)

Ходил немного. Юр. тоже улетучился. Наташил массу книг. Поехали обедать. Я заходил в «Привал». Там в нужде, но милы и строят планы. И культурные вкусы есть. В Мих<айловском> театре было скучно немного¹⁸. Уж очень плохо играли. Рано, рано кончили. Юр. купил мне еще Бальзака. Пили чай, работа<л>, но не побыл, бродяжкин.

15 <р.>

22 (воскресенье)

Что было? Ждали Феликса. Обедали. Видели американскую драму¹⁹. Утром был у Матвея, говорил о политике.

23 (понедельник)

Встал еще со светом. Чаю не пил. Идти было не неприятно, но далеко. Целый день сидел. Юр. ходил к Брикам. Всё отлынивал, но к вечеру вдруг побыл отлично. Как-то наши дела!

24 (вторник)

Опасно и тревожно. Я люблю все-таки такие дни. Ничего нигде нет. Сидели в темноте у Веры Александровны. Планы в силе. Феликс прийти побоялся. В<ера> А<лександровна> согласилась.

25 (среда)

Топились печи. Юр. выспался. Сведенья: банк занят, предпарламент распущен, Керенский бежал. Премьер – Ленин, иностранных дел – Троцкий. Объявления к народу уже от большевиков. Пальба. У Чацкиных уныние. Я<ков> Л<ьвович> приехал. С<офья> И<сааковна> вдруг говорит, почему я большевик²⁰ и что неприятно, чтобы в доме бывали большевики. Какая глупость. У нас были Феликс и Морозов, спорили. Юр. не хотел идти ни в «Привал»,

ни к Брикам. Вышли только купить кое-чего и пили дома чай. Писались. Тихо, тепло, вдали стреляют, будто пушки. Только бы мир!²¹

26 (четверг)

Чудеса свершаются. Все занято большевиками. Едва ли они удержатся, но благословенны. Конечно, большинство людей – проклятые паники, звери и сволочи. Боятся мира, трепещут за кошелек<и> и готовы их защищать до последней капли чужой крови. Ехал к Мейерхольду. Встретил его: идет на перевязку. Подождал. Какая Италия у него в комнатах, легкость и детская уютность. Звонят гимназисты. Сочинения *все* Гоцци на бюро. Пили чай, толковали. Юр. приуныл о денежках. Пришли Петников и Артур. Артур кисел, а Петников страшно мил и привлекателен. Пили чай. Потом пошли к Брикам. Тепло и хорошо. Маяковский читал стихи. Юр. что-то зауныл. Вообще дела наши нехороши. «Привал» совсем в отчаяньи. На улицах тепло и весело. Дух хороший.

27 (пятница)

Действительно, всё в их руках, но все от них отступились, и они одиноки ужасно. Власти они не удержат, в городе паника. Противные буржуи и интеллигенты всё припишут себе, а их – даже не повесят. Идет Керенский, Корнилов, Каледин, чуть ли не Савинков²². С кем только, интересно знать. Кто-то был. Да, Ленечка. Хорошо рассказывал о Зимнем дворце. Почти большевик²³. У Шайкев<ичей> тоже паника, хотя сидели довольно мило. Идти темно и тепло. Тихо, как в постели. Опять не исполнится надежда простых, милых, молодых солдатских и рабочих лиц.

25 <р.>

28 (суббота)

Ходил к Соф<ье> Ис<ааковне>. Демократические газеты призывают к гражданской войне²⁴. Какая сволочь. Сплошная истерика. Но никто не признаёт и не признаёт Ленина and С-іе. Артур прибежал <нрзб>, почти большевик, но вывертывает что-то. Вышли погулять. Потом Феликс пил чай у нас. Хорошо. Был Иван Платонович. Он уютный, хотя с хитрецей²⁵. Вечером были на какой-то хламной драме в «Солейль»²⁶. Всё спокойно, а все твердят: «На Невском стреляют».

30 <р.>

29 (воскресенье)

Коля пришел, сидел, сидел. Что еще. Зашли к Феликсу. Развешены бюллетени, декреты. У Феликса тихо и уютно. Пили чай. Не успели в кинемо. У Бриков уже был кое-кто. Потом было чел<овек> 11. Блинов ел много, но вино было плоховато. Юр. бегал за Асей, всех почти рвало, дамы были целованы, Кнакфус, музыкант, вдруг заинтересовался мною, но хотел задуть Кричевского.

13 <р.>

30 (понедельник)

Ничего не прислали. Матвий не дал. Юр. убит, совсем. Говорит: «Как и вы, себя чувствую», – но побыл. После еды пошел в «Привал». Темно, холодно, прячутся. Савинк<ов> где-то сидит под спудом. Сав<инков>, Филоненко и офицеры. Вечер был романтичен. Татьяны нет. Шел, как пьяный. Юр. что? Не знаю. Все один, больной, оборванный, грязный, немного злой. Пошли к Брикам. Л<илия> Ю<рьевна> танцует²⁷. Ася там. Жак спит. Играли в винт и вели политические разговоры.

3 р.

31 (вторник)

Ни сахара, ничего нет. Погода прелестна, ясно, весенне. Гукасов живет в саду за решеткой, прелестный дом. В такую погоду хотелось бы путешествовать, вести беззаботное существование. Зашел к председателю комитета; жид в халате, перепуганный и наглый. Черт с ними. Зашел к Кричевским, но <тот> ничего не сказал. Сидела Бельтер, очень мило одета, вышивала, рассуждая о русской душе, социализме и важности крови. Чирикала Любовь Исидоровна. Все вышли. Опять в <нрзб>. Спит. Поперся к Матвию. Пришел Рославлев. Сделался комиссаром от большевиков, реквизирует муку. М<атвей> И<ванович> скучно и теоретически рассуждал. Боже мой! Юр. ждет. Опять идти. Гуляют матросы, красная гвардия. Гукасов удивлен, любезен, почти польщен. Купил пастилы. Юр. сидит у меня, пишет. Солнце во всю мочь. Хозяйка ворчала на меня, что если нет средств, незачем нанимать такие комнаты. Юр. вышел спорить, но они стали повеселее. Пошли обедать. Заходили к Ключкини, он утешителен и заветен. Обедали со свечами, но хорошо очень. Юр. что-то уныл. Да, конечно, какое его житье! Нам бы иметь много денег и достаток. К Ив<ану> Пл<атоновичу> не пошел. Дома приглашение на дежурство²⁸. Вот гадость! Пили чай, но не читали. Юр. заброшен, хандрит и уединяется. Спаси его, Боже!

400 <р.>

Ноябрь 1917

1 (среда)

Всю ночь сегодня колобродили. Юр. вставал на дежурство, беднягин, будил меня, но я не был сегодня в списках. Пили чай, мамаша ворчала на буржуев. Потом объявили, что печь будет 2 раза в неделю. Я загрустил, вспоминаю 1906 год, печку, которая у меня треснула от жара, Сомова, Сапунова, свечи, начало известности, Казакова, эскапады¹. Будто 100 лет тому назад. Погода опять хороша. Матвей дал кое-что. Дома Юр. вставал. Поели немного. Вышел. Веселый ветер. Разводят мосты. Ввели целую эскадру к Обухову². Очень весело. Какая-то Александрия. Татьяны не было и, что еще удивительнее, в «Привале» не было ни души³. Дома сидел Феликс и при свече читал рассказ под А. Толстого. Я не пишу ничего. К Кричевским в подъезд еле пустили. Я сам с такой охраной охотно бы устроил погром, так эта трусость противна. Бриков не было. Было мирно и буржуазно. Играли в тетку⁴, в граммофон слушали Шаляпина, все-таки звук его голоса вне сравнений, колдовской и очень русский. Выиграли. С Г. Б. не поговорил. Вот. Голодно, и дома начали меня уничтожать.

35 <р.>

2 (четверг)

Топили печи. Денег не прислали. Пошел один к Татьяне, она выходила искать денег, все продает. Едет в Москву, испугана и болтлива. У нее не всё в порядке, но известная прелесть светскости есть. В «Привале» вставали, были очень милы, вспоминали прошлое, мечтали о будущем. Не очень паничны. Деньги – вопрос 1-2 дней. Брился. Офицер в ужасе, что мастер оказался большевиком. Юр. с зубами, сердитый и мрачный. Пошли к Фридам. Угодили на рождение. Обед, пирог, крендель. Ясный, Елизавета Клавдиевна. Ничего было. Картинок Юрочкиных никто не хочет. Вот так. Вечером мирно говорили. Ночью Юр. приходил и побыл.

3 (пятница)

Приуныл. Газеты закрыты⁵. Театрам грозят, все разъехались или боятся. Шел к дружочку. Удрал неизвестно куда. Всю дорогу зевал, не мог отзевнуться. Вспоминал 1907 год. Юр. все спал. Сердитый встал. Отправился к Кричевскому; папирос нет. Из Москвы ничего нет. Расстреляли, что ли, или разбежались⁶. Кричевского нет дома. Вернулся. Юр. навязал книжки⁷, побежал к Ключкову. Долго ждал Кричевского, смотря Ропса и Росетти⁸. Беспокоит нас Люба, ужасно, она добрая девушка. Приехал, дал немного, ссылаясь на военное время. Что еще? Юр. сидел у Филиппова. Купили кое-чего, ели у Лейнера⁹. Хотели было пойти к Брикам, но зашли в кинематограф. Чаплин бесподобен¹⁰. Дома устроились с дежурством, с Любой. Пришел Феликс и пили чай.

60 <р.>

4 (суббота)

Что же мы делали? Юрочка убежал куда-то. Я удрал от Паскарихи бриться. Паскарь и Семенцов – два кошмара, но первая в 100 раз хуже и назойливее. Юр. явился с Тенкате и книжкой. Звонили Клаше, они всё ходят по знакомым с ночевкой, боятся дома, но жаждут репетиций. Феликс мрачно явился без денег. Темно. Электрчество не горит. Свечки мало. От дежурства откупились. Вечером никуда не ходили. Читали и писали.

5 р.

5 (воскресенье)

Еле поспели к Ясному. Было ничего. Пирог. Вино паршивое. Дома пили чай.

6 (понедельник)

Утром был у Матвья. Вышли с Юр., бродили. Масла нет. Купил свечей, сыру. Ели у Лейнера и к Ел<изавете> Кл<авдиевне> пришли до нее. Юр. спорил. Приват-доценты были скучноваты. Ночью Юр. с зубами. Дежурить должен. Колобродили.

80 р.

7 (вторник)

Снег и чудная погода. Юр. с зубами. Ходил бриться. На почту. У В<еры> А<лександровны> долго сидел с Шурочкой. Просили зайти в 5 ч. Дома приш<ел> Семенцов, он будто не в своем уме, бестолок, но известная светскость и порода есть, особенно когда в фуражке. Пели, потом читали. У В<еры> А<лександровны> долго было ждать. Были дети, пили чай. Юр. убежал. У Каннегисеров было уютно, чуть-чуть уныло. Сакеры убитые какие-то. Дежурить мне сегодня.

8 (среда)

Все капризничал, хотя Юр. с утра побыл. В<ера> А<лександровна> прислала. Пирог испекли с маком, невкусный. Ходили к переплетчику и Лебедеву. Снег, и лежит. Настоящая зима. Я спал. Утром было очень хорошо. Проспал Феликса. Потащил меня Юр. в кинемо; я хныкал, но потом обошелся. Пили чай дома.

50 <р.>

9 (четверг)

Что было? Звонит вдруг Ел<изавета> Кл<авдиевна>, не нужно ли денег от неизвестных личностей. Утром был в «Привале». Сомова не было, к Анненкову не попал. Юр. все спал. Кто-то был. Пошли к Брикам. Был банк. Играли в карты¹¹. Были Лурье и Петников, очень похорошевший. Что еще?

10 (пятница)

Рано Юр. вернулся с дежурства. Являлся к нему полоумный проп<оведник> Васильев с объяснениями. Пошла мамаша. Все расстроились. Я побежал к Канторовичу, но его, к счастью, не было дома. Долго спал Юр. Есть невыразимая нежность, когда он спит, и мамаша, немного плачущим голосом, говорит: «Юрочка!» Топили печи. Вдруг еще прислали деньги. Ходили бриться, купили меду, обедали. Я пошел к Каннегисерам и в «Привал». Юр. в кинемо и ждал меня с чаем. Тихо и хорошо, хотя деньги и истратили.

200 <р.>

11 (суббота)

Утром являлась хозяйка и грубо опять кричала на меня за деньги. Господи, что нам делать. Ты мне помогаешь чудесами, но я сам все порчу. Мамаша права. Хотя бы маленькую, но свою квартиру, где бы не нужно было трепетать. Пошли на выставку. Пустыня и очень скучный vernissage¹². С Щербаковым поехал обедать. У него выезд. Я все спал. Заходили еще в лавки.

12 (воскресенье)

Вечер<ом> были у Бриков. Были там Кушнеры и играли в карты.

13 (понедельник)

Что было. Ходил на репетицию. Не обещали наверное денег. Продавали книги у Ключкова. Зашли к Брикам, они звали к Кричевским. Юр. не пошел. Погода обворожительная: луна, мягко, сухо. Он еще не спал. Пили чай. Дежурил я, читал Лескова.

15 <р.>

14 (вторник)

Что было. Репетиция не состоялась. Денег нет. Я будто умираю. Юр. встретил. Сходил к Чацкиной. Ее встретили, гуляли, зашли домой. Спорили. По дороге к Шапориным Юр. ругал меня. Там ничего, уютно и скучновато. Вера Александровна ничто мне не прислала. Юр. опять бранил меня, что я мамаше ничего не даю, а обедаю тем не менее. Легли поздно, а он встал на дежурство.

2 <р.>

15 (среда)

Проспал и совсем болен. Погода прелестна. Мягкая и сухая. Ходил к Софье Исааковне, нет дома. Матвий не дал. Юр. собирается выскочить. Опять лежал. Юр. притащил денег. Пил шоколад с Филосовым, был у Жевержеева¹³, его брат имеет до меня дело. Пошли опять. Я брился и сидел в темном «Привале», где никого не дождался¹⁴. Юр. туда заходил. Я опять лежал. Юр. опять с деньгами. Кричал на меня. Отдал хозяйке. Пили чай, сидели и рано легли спать. Всё что-то жевали. Господи, спаси нас.

60 р.

16 (четверг)

Писал. Вышли к Ясному. Юр. продал кое-что. Уютен и мил. Купили книг, сластей, завернули в «Привал», все спрятались. Александра Семёновна даже потушила огонь в кухоньке. Вера Александровна, говорят, больна и в бреду звонит по телефону. Борис внизу аппетитно говорит, что наверху – чай, камин и разные прелести, когда все прячутся. Погода мягкая. Пили чай дома. Читали Франса. Все повеселели немного, но Саблин весь сгорел¹⁵. Это грозит. Юр. побыл. На дежурство, вероятно, не пойду. Вот так. Рад, что начал писать¹⁶. Господи, благослови.

17 (пятница)

Погода прелестнейшая. Отправился к Форесте. Нагнал меня Пронин. У них потоп опять¹⁷. Ждут денег. К Рубинштейнам вместе со мною явились ударные офицеры¹⁸. Выбежал сынок, кривлялся, изображая дофина. Евгения Генриховна не так мила, как я предполагал, и рассказывала мало утешающие случаи, что Митька теперь, мол, отказывает даже друзьям детства. Юр. вставал. Солнце. Работал. Чернявский пришел, забрал у Юр. Флоренского¹⁹, на которого Юр. так радовался еще вчера. Пили чай. Я безобразно ворчал на мамашу. Юр. навязал громадный тюк книг Ясному и принес все почти домой. Играли Глазунова до беспамятства. Милое, ничего себе. Луна зелена ужасно. Дежурил, читал Порфирьева²⁰. А вдруг Митька откажет? Умирать опять?

18 (суббота)

Погода чудная. Встал очень рано, все ждал телефона, нет. Посланных нет. Юр. мрачнеет. Собрал книжки. Пошли вместе продавать. У Соловьева масса книг эротических. Брился. Дома пили чай. К Кричевскому пришли первыми. Масса народа, все евреи, положительно Иродов пир, эллинизированный, вроде Филона. Брат Любови Исидоровны говорил о Париже,

Дягилеве, Баксте и т. п. Юр. все время был в библиотеке, смотрел книжечки, сидел близко. Подпили все; были блины. Снег выпал. Звали нас Персиц<ы>, Бельген и Левины.

15 р.

19 (воскресенье)

Разбудили меня поздно, да и то все спал. Юр. мрачен. Он не терпит, что я сижу дома, вообще не любит, чтобы я писал. Фореста молчит как убитая. Мамаша провалилась. Едва успели к Персиц. Юр. мрачен и бранится как не знаю кто. Там мило и любезно. Планы издательства²¹. Гржебин заседает. Все хорошо. По мокроте пошлепали в «Привал». Расстроены донельзя. М<ожет> б<ыть>, завтра. Вечером Юр. объяснялся. Ему обидно, что ведет себя лучше, а игрушек каких-то нет. Опять ругал, что плохо хожу, мало спрашиваю, что моментально не дают, не пристаю с ножом к горлу. Печку топили.

20 (понедельник)

Отправился к Евг<ении> Генр<иховне>. Лакей, как из фарса, уже покровительственен. Ничего не вышло, всем отказ. Руманову отказал. Ал. Льв<ович> вышел, его переехал автомобиль. Граммофон пел Дорой Строевой, «интеллигентным» басом²². Фореста звонила Чацкиным. Просили зайти. Там сочувственно, кисло-кисловато и продолжительно. Племянник, мальч<ик> от Гуревича, третировал Якова Львовича. Камин трещал. Всё об переводах для «Огней»²³. Юр. выбежал, оставив записку, мил и раскаян. Писал. Опять побежал. Темно. Света не дают. Пили чай. Видел он массу людей. У Леночки. Отнесся крайне официально и отрицательно к моей просьбе. Обедали. Сенатор Блуменфельд очаровательно уютен, как из Франса. Всем стало бодрее и веселее. Снег идет. В «Привале» уходят. Только завтра. Господи, что нам делать. У Бриков была Любавина и Венгров. Мило очень. Л<илия> Ю<рьевна> надевала розовые пачки и показывала танцы. Было вино. Поздно засиделись.

45 р.

21 (вторник)

Не помню, что было. Без денег. Вечером читали Mirabeau²⁴, и Юр. побыл, голубь.

22 (среда)

Проспал. Адски болит голова. Ничего не прислали. Леви не тормозят. Юр. ходил куда-то продавать что-нибудь. Принес мармелад и книжки. Я выспался, и голова прошла. Ходили к Брикам. Они на отходе к Кушнерям <sic!>. Сидит Альтман и Гартефельд. Она – мусорная какая-то и слушает лекции у Зубова²⁵. Дома что делали, не помню.

23 (четверг)

Что было? ничего не прислали. Выходил к Матвию, – ничего не дал. Юр. что-то делал. Пили чай дома. Да, Юр. ходил попусту. Помчался к Юрьевскому. Я сидел дремал. В<ера> А<лександровна> звонит. Теплее, но дрожь пробирает. Репетиция. Сидит Филоненко в бороде. Алекс<андр> Сем<енович> злится. Ольга Аф<анасьевна> и Лурье слегка надуты. Юр. продал модные картинки. Дома долго читали, делали чай.

150 р.

24 (пятница)

Утром прислали от Сабашниковых²⁶. Вышли покупать кое-чего. Немецкие книги. Обедали. Встречали разных редких людей. Снег валит. Скоро будет таять. Зашли в «Привал», но сегодня все на «Черной Пантере»²⁷. Ужасно не хочется идти завтра к Андреевой²⁸. Вечером

мирно сидели. Я тянул было Юр. в разные места, но он не хотел, поспал. Сидели читали «Мечтателей»²⁹. Еще разбудил меня почитать, что он написал о мечтателях.

200 <р.>

25 (суббота)

Пошел далеко пешком в Нар<одный> Дом³⁰. Юр. рано встал; пил чай из самовара и убежал куда-то. Снег успокаивает, но у меня болела голова жутко. Персиц <?> не была. Юр. нанес книжек. [После обеда пошел с письмом к Перс<иц>. Юрочка отказался идти к Шапор<ину>, но отправился к Л<иле> Юл<ьевне>. Скучно было без него очень.] Дома пили чай. Персиц<ы> обедали, был Гржебин, но с нами не поехал. У Ремизов<ых> тепло, но уныло несколько. Была Кассандра. Назад нас завозили по Петроградской. Персиц очень мила, но что-то мне скажет?

26 (воскр<есенье>)

Юр. поздно встал, и я его почти не видел, т. к. пошел относить письма, а он к Шапор<ину> отказался идти и поплелся к Брикам. Скучно мне было без него очень. Погода хорошая. Зашел к Олет; сидели у камина, пили чай по-старому, болтали. Артур все бродит. Уныло все-таки как-то это сожительство. У Шапор<ина> кислотовато, сначала был я один, потом пришел Борис. Чек действительно есть, и действительно по нём не платят. Ехали в трамвае довольно весело. Юр. не спал, но печальный какой-то. Огня нет. Посидели, он писал, я читал половую книжку³¹.

2 р.

27 (понед<ельник>)

Что было. Сговаривался с Андреевой, от которой получил письмо. Это о народных развлечениях³². Юр. ходил куда-то, но вернулся ни с чем. В «Привале» ничего. Позвонились Ясному. Играли, пили чай. Вот так.

28 (вторн<ик>)

Чудное солнце. Юр. рано встал. Топили печи. Все закрыто, дурацкие плакаты, но настроение будничное до крайности. Лейнер заперт. Весело завтракали в «Франции»³³. Брился дома. Зашли к Феликсу. Он женился, оказывается, на Магдалине. Вот так история! Ехали к Персиц. Она согласна. Слава Богу. Мечтали об издании. Играли. Пили. Ели. Лурье был доволен. Лизетта была, Альтман, Гржебин, Шерлинг. Очень мило.

3 р.

29 (среда)

Холод и ясно. Звонился. Долго не слали. Юр. выбегал. Пришел Саша, уютный и милый. Обедал с нами. Поехал. Марья Ф<едоровны> нет. Встрет<ился> знакомый, не то актер, не то художник. Был Замятин. Просто. Занимал. Показывал медали, рассказ<ывал?> из жизни. Про дело ничего. Обедал. Не дождался Андреевой. Юр. дома с книжками, но что-то кисленький. Пили чай. Мамаша пекла хлеб вкусный. Юр. положительно что-то скучает.

410 <р.>

30 (четверг)

Выбегал куда-то. Или нет. Юр. ходил. Поехали обедать. Покупали кое-что и зашли к Брикам. Там Шурка Израилевич и Гранди. О<сип> М<аксимович> уехал. Л<иля> Ю<рьевна> устроила комнату. Играли в карты. Сидели раньше в café. Вечером долго сидели. Утром Юр. побыл, но Оля помешала.

Декабрь 1917

1 (пятница)

Сегодня первое число, новый месяц, а я проспал безбожно, зол и с головною болью. Тепло и сыровато. Пошел к Лизетте. Тихо, печка топится. Посплетничали, ели макароны. Муки у нее уже нет. Еле плелся. У нас сидит Саша. Я лег. Юр. отправился. Я все спал. Юр. принес книг, масла, сыра. Веселый. Пили чай. Поехали втроем весело. Там ничего, хотя Олет и Артур тайно пикировались. Читали и играли. По улицам стреляют¹. Из Англии разбирают, можно ли выпустить Чичерина². Какой-то он приедет, зайдет ли ко мне³. Юр. люблю без меры, хотя ленюсь.

2 (суббота)

Что было-то. Заходили к Феликсу. Пили чай. Морозов туда звонился. Потом к Лизетте. Всех отгласила. Мы звали Персиц, но оне не приехали. Было ничего себе, чуточку скучно, был Смирнов. Поливанов не приехал. Вот так.

3 (воскресенье)

Что делали? Рано обедали. Потом ходили в кинемо. Зашли к Брик. Там Эльза и Альтман. Волнуются, будет ли театр. Был Козлинский, Андреев и француз⁴. Л<илия> Юр<ьевна> не совсем в духе. Юр. книжки продал. Стреляют⁵. Темно. На выставку не ходили. Утром был Артур. Все-таки он ханжа какой-то.

4 (понед.)

Ходил, ничего не выходил. Юр. писал. Солдаты идут с музыкой, мальчишки ликуют. Бабы ругаются. Теперь ходят свободно, с грацией, весело и степенно, чувствуют себя вольными. За одно это благословен переворот. Брился. У Матвия был типограф-немец. Насилу наскреб. У Персиц было страшно мило. Читал Юр. Хорошенький, мой, талантливый и ласковый. Все стреляют. Их тетушка едет в Америку, потом в Палестину. Будто из кинематографа.

40 <?> <p.>

5 (вторник)

Туманно. Звонил Саше насчет Уколина, а он сам пришел с дивным колье из опалов и старых сафиров. Планы довольно спекулятивные. Отправился к Радлову. Любезны и дали. Звал к себе. Юр. дома. Весел, ничего себе. Пришла племянница. Хорошо обедали. У Бриков играли в карты. Дали масла. Насчет камней подождать.

25 р.

6 (среда)

Юр. бранил мои стихи. Я обиделся и защищался. Юр. даже прослезился. Но я был очень обижен. Как-то очень чужо и одиноко почувствовал себя. Были в кинемо, по-моему. Утром была у нас племянница Вер<оники> Карл<овны>.

7 (четверг)

Что было? не помню. Саша приплелся поздно, да и то мы его встретили. Я продал Казанову и т. п. книги, и Юр. продавал. Сидели у мрачного Филиппова, где заседал и Философов. Дома пили чай. Звонили всюду. Чудновские пришли поздно-поздно. Юр. читал. Не так было уютно. Сашенька у нас ночевал.

40 р.

8 (пятница)

Саша явился с каким-то господином, который покупает кольцо. Не знаю, купит ли. Юр. мрачно спит. Пекли пирог и хлеб. Я брился. Юр. побежал. Я его совсем не вижу. Сашан приволок кружева. Я в них ничего не понимаю. Сидели у печки, мечтали. Юр. поздно пришел. Был в кинемо, лавках, все без меня. Чай пили. Но как-то не сердечно. Потом выпроводил меня. Беднягин, тяготится он необходимостью быть со мною. Вот так. Взял я денег. Я даже плакал от холодности Юр.

115 <р.>

9 (суббота)

Что-то делал. Пошел к Брикам. Ждал. Юр. обещал зайти. Нет. Л<иля> Ю<рьевна>, м<ожет> б<ыть>, и возьмет кружева. Пошел, обещав вернуться. Дома Саша и Юр., немецкие платки, книги. Софронов кольцо не берет. Саша плачет. Я хотел есть. Зовут Жуковские. Там барышни и мол<одые> люди. Пили, ели, ничего было. Вернул<ся>. Юр. не позвал меня. Я ходил и злился. Скрипел дверями: он не ждал меня. Пошел к нему. Лежит, бедный, в красном одеяле, говорит, что болен, а я его мучаю. Так жалко его, пусть он и капризен, и иногда дрянцо. Люблю его без меры.

10 (воскр<есенье>)

Звонил Софронову и Уконину. Уконин обещал заехать и звал обедать. Заехал, но мало чего взял. Поехали к Альтману. Там много знакомых. Мне нравятся художн<ики>. Пили, показывали номера, Гранди трогателен, как мастеровой. Все танцевали. Сара Лебедева пела солдатские песни. Лизетта и Тамара Мих<айловна> оделись в мужской наряд. Ос<ип> Макс<имович> танцевал бачей⁶, а Ясный играл на барабанах, Юр. читал англичанином. Ничего было. Поехал я с Персиц. Красногвардейцы требовали пропуск. Был от «Новой жизни»⁷. Там<ара> М<ихайловна> говорила, что полюбили нас. У Уколина какой-то толстый поставщик вина и две немки-дурки, с которыми обращались зверски. Обед и бесконечная традиционная смена вин. Мои иконы выложены. Гравюры Ходовецкого⁸. Но и гадость есть. Пел я без конца. Дело устроил. Нечего было и думать идти к Переплетник<ам>, где был пирог и милый Юр. Все напились. Тихо, выстрелов нет. Юр. не спит. Подарили ему Diegas.

198 р.

11 (понед<ельник>)

Ясно и холодно. Юр. пил чай с нами в одеяле. Поехал за свечами, чуть не замерз. Потом Юр. отправок<ился>. Сашан был у нас. Юр. притащил книг о<т> Софии Исак<овны>. Обедали. Степлело. Поехал в «Привал». Там довольно уютно. К Феликсу пришел, еще не было ни Юр., ни Саши. Сидели мирно, но скучновато, я все засыпал. Был Хлопин. Степлело очень.

12 (вторник)

Что-то все визиты. Сначала, Господи благослови, Богуславская от Васьки⁹, с просьбой дать стихи, потом Егорушка Иванов, затем Морозов. Он очень мил, но скучноват и обижен чем-то. Солнце светило. Говорят, что мороз. Юр. побежал к Залшупен <sic!>. Обедали у Чацкиных. Читались. Юр. спорил о политике. Заехали к Брикам. Идут к Ясным. Мы дома сидели и писали.

13 (среда)

Топился. Писал лениво. Не выходил. Юр. ходил. Были Саша и Мосолов. Эстетические разговоры. Пили чай. У Ясных вчера был народ, сегодня только Персиц и Гранди. Юр. все задирает Ясного и спорил с ним. Сидели у камина, было чуть-чуть скучновато.

5 р.

14 (четверг)

Не помню, что было. Ходил бриться и еще куда-то. Вечером были у Персиц поздно. Был Альтман. Читали и пели. Все разъезжаются. Вот так. Домой шли хорошо.

15 (пятница)

Пошел с утра к дружочку. Погода очень мягкая. Просил зайти вечером. Плелся домой. Юр. спит мрачный. Пришел Юрьевский. Я топил печь. Юр. ушел к Брик<ам>, которые его обидели чем-то. Меня удручают концерты¹⁰. Прибежали Саша с Бобкой, новые комбинации. Юр. расстроенный, но с медом. Чай пили, к Руманову опоздали. Рано пришли в «Привал». Юр. ушел. Я досидел до Григоровича и взял денег. Юр. не спал еще. Не побыл.

110 <р.>

16 (суббота)

Всё пререкались с мамашей чего-то. Юр. убежал. После обеда выходили в кинемо и кофейню. Утром брился. Вечером писали. Юр. не побыл. Целый день увозят вещи Литвина. Вот так. Хлопина прозевали.

17 (воскресенье)

Рано обедали. Руманов зовет завтра. Уконин не хочет. Переплетник не было дома. Пошли, бродили. Потом были в «Splend<id> palace»¹¹. Дома я собрался было писать у печки. Зашел часов в 11 к Юр. Спит уже. Темно. Даже не простился. И ничего, будто так и нужно.

18 (понедельник)

Встал рано, и Юр. встал. Вышел в прелестную зимнюю погоду, на западе полная луна, ясно и не холодно. Дружочек еще спал. Жена играла экзерсисы, мальчик привел пуделя, горничные убирали комнаты. Дал немн<ого>. У нас солнце, полотеры. Юр. за моим столом звонит Переплетник. Ничего я не делал. Рано обедали. Юр. лег. Я пришел к нему. Он хотел было меня отклонить, но не удалось. Лежал, спал как мертвый, даже не обнял. Я видел страшные сны. Мамаша ломилась с хлеб<ом>. Я все мрачнею. Уже понедельник. Звали в «Привал». Вышел за папиросами. Туман, ничего не видно, хоть глаз выколи. Саша звонил. Юр. позвал его. Я опять надулся. Конечно, он останется ночевать. Рано лег. Я ужасно расстроен. Ни буквы не написал.

20 <р.>

19 (вторник)

Я чего-то хандрил. Юр. побыл, голубь. Ничего я не сделал. Обедать у Переплетник<ов> было ничего. Кухарка ее предупреждена, что мне нужно мучное, служила у Зносок¹². Я писал. Потом был на репетиции. Ничего, но мрачновато.

20 (среда)

Сундука не взял. Пошел так к дружку, но ничего не вышло. Мамаша увлеклась и купила гуся. Юр. долго не вставал. Явился Саша. Юр. побежал. Я писался. Пили чай. Пошли все к Каннегис<ерам>. С<офьи> И<сааковны> там не было. Офицерик очередной Ленечкин был там¹³. Так себе было. Могло быть и скучнее.

10 р.

21 (четверг)

Топили печи. Спокойно. У Юр. столько дела, что не знаю, как поспеет. Вьюга и снег ужасные. Тепло, вероятно, но мамаша все охает. Саша приперся с чашкой и акварелями. Юр. нанес книжек и побежал к Ел<изавете> Кл<авдиевне>. Мы ждали. Персиц<ы> отгласили. К Брикам не пошли. Сидели пили чай и читали Диккенса. Мамаша слушала. Сашенька насилу ушел. Писал еще я.

3 р.

22 (пятница)

Скандалил с Юр. из-за дружочка и с мамашей из-за обеда. Поехал я к Персиц. В сумерках сидели. Обещали. Пошел к Ивану Платоновичу. Женат вроде <на> диаконовой дочке. Чай, яичница, варенье. Играл. Неплохо. Я думаю, его роман с Леонтович ему представляется вроде наваждения ведьмы. Плелся к Ландау, как на тот свет, чуть не вернулся. Юр. какой-то официальный приехал. Там был народ. Ночью ехали на траме, потом тащили Переплетник. Я даже обмочился и весь замерз. Дрожу все время¹⁴.

5 <р.>

23 (суббота)

Еще морознее. Юр. ворчал, почему я не ездил к дружочку. Потом немного обошелся, вышли вместе. Брился. Ждал, ждал, а О<льга> М<ихайловна> позвонила, что только вечером. Ели кое-как, ничего сладкого нет у нас. Юр. спал, я переводил. Поехали. О<льга> М<ихайловна> чем-то расстроена, вроде Веры Ал<ександровны>, гости, сидели мирно. Тетушка из Берлина так себе, привезла хлеб из Голландии, с тмином, аптечный. Сидели у печки, брат бродил. Опять О<льга> М<ихайловна> ничего не сделала. Шли домой. Леви уезжали дружелюбно, прощались, всего желали. Пусто без них, хотя я играл.

24 (воскресенье)

Холодно в комнате, и как-то неудобно спал. Заболела голова. Долго не ели еще. Юр. выходил. Ждал, ждал. Обедали. Наконец приехала Тяпа, посмотрела комнату, милая очень. Поехали покупать меду и т. п. Погода какая-то беспокойная. Голова болела. Остались дома. Ели, пили чай, спал я. Довольно рано лег. Развспоминался о маме, сестре, Чичериных. Все умерли, постарели, все благополучие как сметено, спокойная жизнь, прощай! Вот я стареюсь и делаюсь ненужен. Родной Юр., мамаша. Скоро о смерти думать надо.

300 р.

25 (понедельник)

Встал рано и очень весело. Пил чай, топили печи, подогревал самовар. Юр. играл Weber'a. Жак звонил, будто бы в «Привале» <нрзб>, но оказалось вздором. Юр. побыл хорошо очень. Пошли к Брикам. Сидят без денег, без сахара, без всего. Пришла Ал. Ал. с папашей и Козлинский. Играл в карты. Электрич<ество> потушили. Холодно было идти. Домой насилу попали, человек 8 ломились. Ели еще.

26 (вторник)

Что было. Заходил Сашенька. Притащил котелок. Мне не впору. Пошел искать папирос. В лавочке нет, в чайной нет, только милый мальчик за буфетом. У Чацкиной мрак, читает Фукидида. Вызвали Юр., было уютно. Пошел к Феликсу. Очень мягко. Там настряпано. Был Радлов

и Хлопин. Юр. сцепился с Радловым из-за Бер<д>слея. Потом читал, голубь. Вся глава подряд немного effervescente*, польский винт есть, но как талантливо. Шли мирно. В темноте ели еще.

* Пылкая (*фр.*).

27 (среда)

Солнце. Вероятно, холод. Выходил за папиросами. Бриться. К Каннегисерам. Уже завтракали. Впечатление утра. Кто-то играл Моцарта. Юр. встал, но не вышел со мною. Дома ждали его. Опоздал. Поехали. Там были сладкие пироги и видимо-невидимо дам, обсуждающих встречу Нового года. Чудовский был. Муж Переплет<ник> – довольно представительный и бестолковый эстет. Брики отказались. Поехали в кино. Потом дома я поиграл немного. Пили чай. Я очень хотел писать, но потушили свет. Эти саботажники несносны.

28 (четверг)

Не помню, что было. Персицы отгласили. Вот так.

29 (пятн.)

Что было? были у Лебедевых, по-моему, на елке. Все те же: Альтман, Козлинский, Шушаревы, Радлов. Назад все пререкались, и я свалился. Юр. на меня, чуть не замерзли.

30 (суббота)

Утром перся к дружочку. Просил принести лубок. Вечером у нас были С<офья> И<саак>ковна и Фокион. Юрочка что-то продал, купил сладкого. Играл я много. Спорили до темноты. Фокион дурак какой-то.

30 р.

31 (воскр<есенье>)

Что было. Ездил к дружочку, получил очень мало. Приготовл<ения> к Новому году. Дома что-то было. Звал Феликс и Чацкины. Зашли к Переплетник<ам>. Муж Кисы очень похорошел. Холод адский. Масса народа полужнакомого. Квартира, как у Карениных, прохладная. Расселись хорошо. Всего было довольно. Потом напились, целовались, валились, танцевали. Поехали кто в «Привал»¹⁵, кто к Переплетник<ам>, мы домой. Миклашевский без шапки убежал. Всего веселее было одной девице Минкиной, которая с начала ужина впала в истерику и так, не уезжая, и провела время, то на полу, то в передней, то на лестнице. Вспомнила о потерянной невинности.

Дневник 1918

Январь 1918

1 (понед.)

Ни папирос, ни хлеба – ничего нет. Звонил Ленечке – спит. Бродил как впросонках. Позвонили Софье Исаковне. Да. Вышли к Перепл<етникам>, там только что выкатываются гости¹. Холод страшный, но очень красиво. Бобиш спал. Девочка рассуждает. Пообедали немного. У Персиц никого нет. Мы ломились, напугав кузена и дядю. У Софьи Исаковны все в пальто. У Чудновского мило, уютно. Все читали, потом играли в карты. Чуть-чуть стих холод.

2 (вторн.)

Мамаша пропала, не принесла ни изюма, ни папирос, уверяет, что замерзла. Я побежал к Матвею. Не так холодно и очень тихо. Дал денежек. Купил папирос и сладкого. Читаю очень хорошо о христианстве. Очень увлекательно². Юр. вставал. Покой вернулся. Написал Цецилии и Переплетнику. Опять пил чай, топил печи. Мамаша все ворчала на карточки на картофель, плачевно и досадливо. Топили печку, все пререкаясь. Фриды на завтра. Сегодня звали Переплетники. Теплело. Там все обсуждают последствия вечера. Было уютно. Болтали, пили чай, я пел. Пришли. Г<ригорий?> М<оисеевич?> звонит. Согласен. Слава Творцу!

30 р.

3 (среда)

Теплее очень. Мягкая, прелестная погода. Прислали. Юр. побежал за башмаками, но не достал. Звонился Феликс, только что купивший поросенка. Они работают. Я ездил за свечами и сладостями. Брился. Пили чай. Читали мои рассказы. К Фридам пришли первыми. Ел<ена> Адольф<овна> была будто не в духе, муж не приедет, и вообще не знаю, как все это выйдет. Все еще обсуждали 1 янв<аря>. Было очень скучно, т. к. переждали с ужином. Лебедев мне совершенно разнравился <sic!>. Чего-то все не хватало. Потом Юр. затеял карты и было веселее. Шли вчетвером. Я, Юр., Ел<ена> А<дольфовна> и Мочульс<кий>³.

200 <р.>

4 (четверг)

Юр. встал рано. Убежал. Я топил печи. Сашан пришел. Юр. рано вернулся с ботинками. После обеда при печке читали Диккенса, я засыпал. Юр. хотел пойти поесть. Видели еще драму. Юр. милый. Не такой ли жизни я всегда хотел? Дома пили чай. Я начал читать Гофмана⁴, а Юр. заснул моментально. Да, говорил сегодня с Настей насчет вечеринки.

5 (пятница)

Что было? Стрельба со всех сторон⁵. Пошли вечером к Брикам. Там Высоцкий и Кричевская. Темно, сахара нет, вообще упадок. Играли в тетку. Господи. Юр. у печки побыл. Юр. ходил еще к Залшупиным. Персиц<ы> решительно нас не зовут и знать не хотят.

6 (суббота)

Вьюга. Теплее. С утра у меня всегда бодрость. Потом впадаю в уныние. Главное – безденежье и просто-напросто недоедание и оборванность моя и Юрочкина. Переплетник умолк и стонет. Вышел за папиросами. Отчаянный ветер, снег, но славно. Из-под полы продают

«Речь»⁶. Зашел к Каннегисерам. Завтракал. Собрание, кажется, разогнали⁷. Юр. был на лестнице, говорит, что сейчас придут 2 Лизаветы. Они и явились, болтали, смотрели книги. Потом Саша и Уконин в валенках, потом Чернявский. Они слились с Ивановым-Разумником и Луначарским в «Знамени труда»: Ивнев, Есенин, Клюев, Блок, Ремизов, Чернявский, Ландау⁸. Завидно ли мне? я не кадетский и не пролетарский. Ни в тех ни в сех – и никто меня не хочет. Копельман нас не позвал, и мы решили пойти к Переплетник<ам>. Был Пумпянский. Было довольно мило, спорили о культуре, науке, Петре, России etc. Гр<игорий> Моис<еевич> трепещет и говорит, что денег нет. Плохо дело. Ел<ена> Адольф<овна> все-таки, кажется, дала Юр. немного. Дома мамаша сварила картофелю. Что нам делать? Леви – ужас.

10 р.

7 (воскресенье)

Погода прелестна. Тепло и солнце. Звала Некрасова. Искал папирос. Настроение работающее до последн<ей> степени, вспомнился Юша Чичерин⁹, западная культура, м<ожет> б<ыть>, в связи с Пумпянским, так что даже вымыл руки. Положим, я был выбрит. Хотел поделиться с Юрочкой, но тут началась история из-за хлеба. Юр. ругался, бросал Диккенса, мои папиросы. Переплетник<и> ушли. Некрасова посплетничала о неизв<естных> нам лицах. Пошли в Академию; тепло, немного скользко. Знакомых никого почти что. Сологубы любезны. Сидели с Ахматовой. Читать неприятно, какая-то чужая публика. Песенки имели успех. В антрактах ели и пили чай. Было ничего¹⁰. Ни Перепл<етников>, ни Александр<овых>, ни Фридов – не было. Вчера у Копельмана все были, и Ольга Михайловна. Ехали ничего себе, но вся работность пропала. Завтра приедут Леви.

50 р.

8 (среда <sic!>)

Тепло. Плелся к дружочку – в Москве. В «Привале» спят. Дома приехали Леви, как туча. Балиев телеграфирует, что деньги высланы¹¹. Все ждут событий. Сашан прибыл. Мрачно бездельничали. В «Привале» темно, денег нет, репетируют не то, что нужно. У Переплетник<ов> тоже довольно мрачно. Веселятся между собою, нас не зовут. Бог с ними. Стонет о деньгах. Боятся, хотя это и понятно. Был Чудовск<ий> и Ландау. Хотели зайти к Брикам. Надпись: нет дома¹². Тает, очень скользко. Дома пили чай, потом писали. Юр. веселит меня, но вчерашнего настроения нет.

9 (вторник)

Тает. Утром прислали деньги. Опять не отдал. Это, конечно, бессовестно. Мамаше дал. Пошел за сладостями. Юр. удивился, обрадовался. Он писал. С утра болела голова. На улицах спокойно и тепло. Хорошо доехали, но у Ляндау было холодновато и скучно. Впрочем, потом пришел Лисенков¹³. Говорили о лавке¹⁴. Заехали к Пивато, по-старому, по-бывалому. Потом в кинемо. Дома пили чай, мамаша встала, писал, но денежки, денежки! Все это кончится бедою.

150 <р.>

10 (среда)

Придумал устроить концерт. Говорил об этом с Переплетником. Зовут завтра на чтение¹⁵. Юр. побежал к Жевержееву. У меня сидел Иван Платонович. Хозяйка объяснялась. Юр. денег достал. Побежали к Лебедеву. Там Чернявский и Кондырев. Пили шоколад и смотрели английскую драму. Дома все хозяйственные распри из-за муки и т. п. Не писался, а хорошо спал.

11 (четверг)

Солнце и не очень холодно. Пекли хлеб. Юр. убежал, обещав вернуться в 5 часов, но пришел к 8-ми, где-то раздобыв денег. Погас свет почему-то. У Перепл<етников> был<и> Мандельштам и Пумпянский. Читали «Colonel Chabert»¹⁶, но всем было скучно. Недисциплинированная публика. Потом стихи и Юр. читал. Спорил с армянкой до невозможного, и еще с Пумпянским. Дело мое не устраивается.

50 р.

12 (пятница)

Что было? Знаю, что я в унынии. Юр. побыл. Был в «Привале», но В<еры> А<лександровны> не было. Был<и> Бобиш, Жак, Миклашевский, Анненков. Что еще? не помню.

13 (суббота)

С утра отправились к дружку с ящиком и Алисканом <?>. Завтракали у Лейнера. Были у Вольфа, Мелье¹⁷. Дома обедали. С утра приходил солдат. Заходил Ив<ан> Плат<онович>, принес деньги. Помчались за сладким и папиросами, но купили журналов. Рассматривали их. Пришли Ландау. Лавка осуществляется. Довольно уютно посидели.

100 р.

14 (вторник)

Все в отчаянии. Одна надежда на концерт. Кажется, что и хозяйка так рассчитывает. Что же было. Утром ходил за папиросами. Насилу нашел. Вера Ал<ександровна> хотела зайти, не зашла. Сологубы напоминали. Поехали. Ахматова, Лурье, Рерих <?>, Тэффи. Пили чай. Читал я. Все, кажется, были скандализированы слегка¹⁸. Писал билеты. Возвращались еще в трам. Все пристраиваются в газеты разные. Вот так.

15 (понед<ельник>)

Все о концерте. Юр. отправ<ился> в Царское. Чудная погода. Юр. уже сидел у Бобиша. Сашенька был у меня. Вместе ходили. Весело обедали. Играли Лекока. Потом что было? не помню. Кажется, были в кинемо. Писал билеты. Был у Каннегисеров.

16 (втор.)

Ходил к Фридам. Очень милы и душевны. У Бриков не так. Персицы ничего себе, но холодок есть. Юр. прибежал поздно, с рассказами о Большакове, с чашкой. Этот старообрядец более всего любит меня и Франса. Заходили еще к Ел<ене> Ал<ександровне>, потом к Переплетник<ам>. Доклад был очень интересен, но, кроме чая, ничего не давали.

140 р.

17 (среда)

Зашел к Кричевским, нет их. У Филиппова ел. В «Привале» толковал. Вдруг полилась вода. Я решил не откладывать, но загрустил. У Крич<евских> попал на пирог и рождение. Дома что-то делали. Да, были в кинемо.

20 р.

18 (четв<ерг>)

Немного болит голова. Куда же я выходил? был Саша. Пошли в «Привал». Борис в отчаянии, но В<ера> А<лександровна> уже укатила за провизией. Ходил бриться, потом совсем

в «Привал». Долго не шли. Да и вообще мало пришло. Явился Большаков. Будто для него и Пумпянского я пел. Хорошо было. Пил немного. Большаков был в восторге и говорил комплименты. Поехали к Фридам. Ужинали весело. Потом дивагировали*. Играли в карты. Ехали с Переплетниками на траме, у них еще пили чай.

600 <р.>

* От *фр.* *divaguer* – болтать.

19 (пятница)

Лег все-таки спать, раздевшись. Напрасно. Все стучали, ходили, болела голова. Юр. меня будил. От Балиева телеграмма. Успех «Рыцаря» огромный¹⁹. Потом Юр. убежал по лавкам. Долго не было. Я топил печку и лежал. Свет зажегся рано. Юр. притащил икону, действительно чудную, но очень облупившуюся, и книжечки. Пили чай. Поехали к Плаксину. Там все были, и кн. Львов, и Григ<орий> Моисеевич. Ему что-то не понравилось. Пошли ужинать гуся etc. Я разливал чай. Пирог был с маком. Были Пумпянский и Бахтин. Было тихо. Электр<ичество> все горит.

20 (суббота)

С утра пришли Сашенька, Юрьевский и Егорушка Иванов. Вышли. Ехали до Бобиша, ничего не оставившего. В Апраксином очень хорошо. Зашел Алеша. Смотрели разные разности. Подарки наделали. Все пошли. Живут они через кухню. Ребенок бегает. Те же глаза, прямой нос, что у всех Большаковых. Очень любезны. Кормили, поили, коржики сделали. Подпили. Не знаю, не проврался ли чего. Юр. был очень доволен. Еще был книжник. Я давно не был в таких домах, а это очень приятно. Дома мамаша испекла лепешечек. О. М. денег прислала. Смотрели иконы.

100 <р.>

21 (воскресенье)

Солнце светит. Спокойно. Сплю. Вышли. Кафе. Прошлись. Крестный ход²⁰. Теперь это заброшено и только политика. Поют «Спаси, Господи». Купили сырых лепешек. Зашли в кинематограф. Потом к Брикам. Чуть-чуть мрачно. Нервны. Собираются в Японию²¹. Играли в рулетку. Я проиграл. Да, сегодня просили в концерт, что устраивали Мережковские, там Лурье и Сологубы, Ахматова²².

22 (понедельник)

Все продолжаю ничего не делать. Саша был. Клеил икону. Полотеры бродили. Юр. помчался к дружку. Вернулся с пакетами книг. Были Мышка и Иванов. Еще кто-то. Ходили с пришед<шими> Феликсом и Брониславой в кинемо, потом к <нрзб>. Там уже подпили. Волынский был уютен и вспоминал о «Сев<ерном> вестнике»²³, Пумпянский говорил мне свои восторги и танцевал.

(40 <р.>)

23 (вторник)

Мамаша принесла теплого хлеба и бранила меня, зачем я его (недопеченный, по ее мнению) хвалю. Пришел Пумпянский. Смотрел вежливо книги; мне нравится его любовь к книге, да и он сам. В<ера> А<лександровна> спрашивала адреса Персиц, Переплетник<ов> и Фридов, чтобы просить денег, но едва ли это удастся. Побрели до Переплетник<ов>. Сидит Лизанька, Гр<игория> М<оисеевича> нет, совещания о лавке тоже. Оставили вещи. Зашли к

Соловьеву²⁴, купили мне о Ходовецком и его гравюру чудную²⁵. Приятно было рыться. Смотрели америк<анскую> драму, купили миндальн<ых> пирожных. Смотрели добычу. Света не тушили. Юр. не побыл.

(80 <р.>)

24 (среда)

Сашенька пришел, когда я был еще не одет. Привел маленького грека²⁶. Я не в духе, пререкался с мамашей из-за разных глупостей. Юр. ворчал на меня. Пошли с ним, он все ворчал и ругался. В «Привале» не очень хорошо. Варили кофе, но Бобиш не пришел, танцующая в театре²⁷. Жалко В<еру> А<лександровну>. Переплетник<и> ничего не дали, советуя обратиться к Персиц. Хотела заехать сегодня. Шли пешком. Темно и скользко. Юр. смирился. У Персиц деловые совещания. Чашку Юр. взяли. Были любезны. Пел я, ужинали. Приходила бедная В<ера> А<лександровна>, через кухню, О<льга> М<ихайловна> сказала, что я ничего не говорил, не знаю, дала ли чего <нрзб>, что она могла сделать, по-моему. Ушла, не оставили ее. У Лурье, оказывается, был вечер, были Персицы, Гржебин, Анненковы, еще кто-то, а нас не звали. Ночью шли. Дома посидели. Юр. побыл хорошо.

(20 <р.>)

25 (четверг)

Рано Юр. отправился. Я топил печку. Лениво писал. Потом он пришел. Был у дружка, Бобиша и Большакова; вести. Диккенса наташил, рад, звал в Апраксин, но заснул. Пумпянский смотрел книги. Бобиш просил звонить в 7 ч., но ничего не вышло, уехал в театр, Ел<ена> Ал<ександровна> не подошла, и все осталось втуне. Пили дома чай и читали немного. Рано легли.

26 (пятница)

Что было? Встал рано. Пришел Сашенька. Принес мне чудных Ходовецких. Как печально читать о Ленце²⁸. Бобиш исчезает. Сидели дремали. Пошел к Фридам. Юр. к Бобишу и Персицам. У Л<юбови> Ис<идоровны> женоклуб²⁹. Все у маникюрши. Лизанька там. Милы и ласковы. Покупал сладкое, брился. Юр. еще нет. Пили чай. Отправились в «Привал». Много народу. Арий, Оленька и Анненковы какие-то неприятные. Была Карсавина, очень мила, но читала дурацкие стихи Гумилева. Танцевала, я сопровождал. Много знакомых³⁰. Как досадно, я думаю, Вере Александровне, что «Привал» не открыт!

70 <р.>

27 (суббота)

Холодно. Побежал к Семенову. Встретил Сашу. Семенов в Москве. Зашел к Сакерам. Он болен и очень сердечен, к<а>к всякий слабый и больной человек. Зашли к Переплетник<ам>. Они тянули к Григорьевым, но мы отправились к Лизаньке. Устроили картеж, и Юр. выиграл много, я же проиграл и задолжал. Без нас был Сашенька, обнаружил пропажу Арлекина и выговаривал горько. Действительно, скверная история. Звонила без нас Карсавина. Ели дома, курили и пили кофей.

(150 <р.>)

28 (воскресенье)

Что было. Встал рано. Слабость и тепло, как после пьянства. Обедали рано. Пришел грек и Сашенька. Потом Ив. Платонович. Читали стихи. У Козлинского уже сидел Юр. Ему не большая удача. Рашели не было дома и Бобиша также. Козлинский – славный мальчик, и

работы его лучше гораздо, чем я полагал. Юр. встретил Чернявского, звавшего его в «Знамя Труда». Потом пришли Лебедевы и Лизанька, невыспавшиеся, ходили друг за другом и собирались в балет. Поехали с Юр. к Лейнеру, лихо; там холодно, пусто, дорого. Купил папирос и смотрели старую-старую американскую драму. Заходили к Брикам, но они уехали в Москву³¹. У Некрасовых были Чудновские, Морозовы и Хлопин. Было довольно скучно, хотя они и были любезны. Дома потушили свет, который горел целый день. Леня надоела мне до безумия, и не знаю, что ее разнесло бы. Теперь еще история с Каннегисером. L'affaire du collier³².

20 р.

29 (понедельник)

Что было, не помню. Писался немного. Кто-то заходил. Юр. побыл. Да, Милеев заходил, зовет к дяде в Тульскую губ<ернию>. У Фридов была Лизанька и Ел<ена> Кл<авдиевна>. Переpletники опять откладывают вечер, это несносно. Играли в кункен³³.

30 (вторник)

Что было. Холодно. Матвей еще в Москве. Звонился. У Радлова нет звонка. Персицы Иоанна не берут. Вообще неудачи. Саша явился, стонет. Только что пришли к Митеньке, как обыск. Нас задержали. Долго сидели в номере. У него приятель-офицер, смешной тип. Я поотвык от теток. У Мелье смотрели Ростовцева библиотеку, говорил с ним о дневнике³⁴. Вырвались наконец. Спрашивал матрос документы и спрашивал, нет ли оружия, «чтобы не обыскивать». На Невском дамы, барышни, офицеры, гимназисты продают газеты – демонстрация какая-то, кричат: «Отмена приказа о мире», будто это какая радость. Вот сволочь!³⁵ Офицер все тянул, где вино и музыка, но пошли к Pivato³⁶. Напились страшно. У Переpletн<иков> никого нет. Звон<ил> к Лизаньке – там сидят, дело не идет. Зашли к Ландау – нет. Дома пили чай. Зашел Костя поздно. Вести очень хороши, но что-то неприятно в отзывах о Переpletнике. Смотрел каталог Insel-Verlag³⁷. Все-таки какие молодцы немцы, какой подбор и издания.

(40 <р.>)

31 (среда)

Приходил жидок со стихами³⁸. Не важно. Кажется, огорчился. Заболела голова. Семенов приедет только 15<-го>. Какая гадость. Всё ужасные сны вижу. Юр., бедный, побежал к Бобишу. Я прилег. Насилу дошел до парикмахера. Юр. принес пастилы. Пили чай. Вдруг пришли отцы, уже в восточном облачении оба. Милы необычайно. И планы. Вольтер, оказывается, вернулся в католичество. Но голова болит все сильнее. Лег, послал Юр. Холод адский. Звонил 2 раза Юр. Напились чаю, лег спать. Юр. ночью приходил, разговаривал. Много было народа, говорит. Но толкового я мало понял. Все то же самое.

Февраль 1918

1 (четверг)¹

Утром писал. Зашел к Ляндау. Разбираются. Я люблю их светлую, широкого уюта квартиру. С лавкой, по-видимому, хорошо. Пили дома чай. Юр. побежал в мороз не звонясь. Никого не застал. Вечером придумал опять сбежать к Косте за папиросами. Был Макс и моряк, только что из крепости. Говорили о балете. Бедный, бедный, заброшенный Юрочка. Хорошо еще, что Леви в духе и не пристают.

10 р.

2 (пятница)

Зашли Лебедевы, Саша, Чернявский. Говорят, Юша Чичерин – иностранный комиссар². На лекцию не пошли, а поплелись пить чай к Переплетникам; был там Есенин. Ходили с Елизаветой Адольфовной в кино, потом к Каннегисерам. Было скучно, но немного поели.

16 (3) суббота

Долго ходили. Юр. был у Дружка; к Радлову, к Мелье. Хотят совсем купить 4 тома стихов. Это очень хорошо бы! поправились бы наши делишки³. Вышла Юр. книга, очень хороша⁴. Еле успели к Елизавете Клавдиевне. Покупали сладкое. Там обедали, рано ушли. Поскакали еще в кино. Скучно довольно. Дома пили чай. Говоря и т. п.

17 (4) воскресенье

Болит голова страшно. Все время лежу. Юр. приходил, уходил, пили чай, был Саша. Я все время лежал. Играли Weber'a.

18 (понедельник)

Вскочил в 6 часов. Морозно. Голова не болит. Михайлов зовет к 2 часам. Отправился вместе с Юр. Я все не могу поверить, что это осуществится. Была там Венгерова. Ничего утешительного она мне не сказала. Ответ через 3 дня. В «Аргусе» тоже мало чего вышло⁵. Есть хотели ужасно. Потом звонили к Переплетникам. Горничная зазывала, но потом оказалось, что Елена Адольфовна больна. Юр. поехал к Юрьеву, я к Брикам. Там были Ховины. Разговоры о Москве, газетах, театрах и местах меня как-то печалят. Я все время ни при чем⁶. Хорошо ли это, не знаю. Голоден был. Свет погасили. Юр. не загрустил бы.

19 (вторник)

Что было. Являлся Саша и Мосолов. Ели кое-что. У «Аргуса» – ничего. Может быть, завтра. У Тиме как-то вульгарно и грязновато. Мазилкин⁷ пишет портрет. Об условиях ни слова. Юр. огорчился. Побежали с книгами. Никто ничего не дает. У Косцова⁸. Зашли к Переплетникам. Там Лизанька. Сам у Григорьевых пропадает. Дома пили чай. Опять немного я повеселел. И отчего? Не знаю. Никому-то я не нужен. Опять это дурацкое положение с не миром и не войной⁹, с национализацией всевозможных вещей¹⁰, с голодовкою меня даже удручает. В самом деле, что делать при таком положении дел? Поступить лакеем в заграничный отель?

20 (7) среда

Ясно, но денег нет. Все говорил по телефону. Как бы не сорвалось с книгами! Хоть бы немного поправиться. На ура пошли к Мелье. Нет. Встретили о. Диодора. Манифестация пленных. Кажется, мир подписан, и Леви с нетерпением ждут немцев¹¹. Юр. поплелся на Боровую, я к Михайлову и Матвию. Темно у него. Книжки издает потихоньку. Купил сладкого. И Юр. тоже. Зашел к Переплетникам. Он пропадает у Григорьевых, она <?> учится читать по 1000 стр. в день, как Пумпянский и Мочульский. Юр. ждал внизу. Побежали в кинемо. Опять мирные договоры, но другие. Улан мелькнул. Ах, удалось бы с книгами. Боже мой, Боже мой! Кисло пили чай. Писал немного. Свет погасили все-таки.

60 р. (40 р.)

21 (8) четверг

Что же было. Михайлов встревожен и откладывает. Все ждут немцев¹². Обедали роскошно. Пришел милый Дмитриев. Брился я. Юр. пошел на Фонтанку, я к Ландау. Долго совещались. Дома пили чай, но на завтра ничего нет. Отсрочкой я удручен. Долго сидели, пили кофей, но Юр. не был.

22 (9) пятница

Ничего нет, ни гроша. Пошли в лавку. Помещение восхитительное и иногда крайне милое. Истерические декреты¹³. Пошел в «Прометей»¹⁴ – никого. Дремал. На улице стреляли и кого-то убили, и девочка в красной шубке все разгребала снег. Встретил голодного Феликса. Юр. усталый. Решили продать книги. Вдруг Михайлов согласился. Летим. Обедаем у Пивато прелестно. Покупаем. Даем мамаше. Вышло «Восстание ангелов»¹⁵. Встретили Ландау. У Феликса тоже ничего. Ели кашу. Читали. Было мило. Света не гасили, но Юр. не был.

300 р.

23 (суббота)

Что было, не помню, решительно не помню.

24 (воскресенье)

Лихорадка и т. п. Не встаю, нечист. Юр. бегал, доставал мне лекарства, того, другого. Лежу, дрожу, скучаю. Чай противен. Достал где-то Юр. денег. Пробовал быть, но поздно, дорогая.

25 (понедельник)

Все еще болен. Есть не могу. Солнце. Вспоминал гимназические годы, Чичериных. Юр. прибегал. Все ему не удавалось. Смотрел на комнату: как хорошо идут красноватые фотографии, рыжий стол к синим обоям. Леви прислал бульону, лепешек, рису. Я все капризничал. Юр. сердился на меня, пичкал лекарствами; потом все ничего.

26 (вторник)

Брожу. Юр. пошел в «Аргус». Я прилег. Юр. вернулся с хлебом и маслом от Большаковой. Побыл. Ляндау пришли. Говорили о лавке. Потом мы читали «1001 ночь». Все в панике. Гораздо лучше мне все-таки.

52 <р.>

27 (среда)

Утром был Саша. Переплетник. Юр. принес кое-чего. Или нет. Опять вечером поехал к Дружку. Я полеживал. Привез хороших вещей. Пили, ели, читали. Что-то будет.

3 р.

28 (четверг)

Теплее. Вышел бриться. Еле не валился. У Матвея ничего не получил¹⁶. У Чацкиных спят. Юр. пришел уже и спал. Поиграл «Freischütz»¹⁷. Настроение было хорошее. Потом, после обеда, Юр. стал изнывать, где бы достать денег, и серая тоска снова мною завладела. Решил выйти. Зашли к Ляндау. Смотрели новокупленные книги. Есть хорошие. Юр. захотел есть. Поехали к Лейнеру. Там стало вроде как в «Вене»¹⁸, довольно скверно. Публика хамоватая. Домой добрели. Пили чай, читали. Придумал написать О<сипу> Максимовичу. Юр., беднягин, устал.

60 <р.>

Март 1918

1 (пятница)

Что было. Бродил. Матвей ничего не дал. Михайлова не дозвонился. Юр. что-то принес. Звонил разным людям. У Переплетников были очень милые Левицкие. Играл и пел, хотя у меня опять жар. Лег спать больным.

30 р.

2 (суббота)

Сговорился с Михайловым. Утром Юр. бегал, принес разные разности. Мне опять нездоровится. Пошли вместе. Ждали. Обещал поговорить в среду. Дал немного. Обедали у Пивато, купили «1001 ночь», Бриков и Сологуба отменили. Читали хорошо. Мне лучше. Купили еще форшмаку.

100 р.

3 (воскресенье)

Сидел дома, писал все-таки. Погода хорошая. Что-то скандалили с мамашей довольно безобразно. Вышли к Феликсу, был там Радлов. Пили, ели, играли. Ничего было. Возобновляется «Огонек»¹. Дома ели немного. Ох, писать! Ох, немцы бы пришли!²

4 (понедельник)

Чудесная погода. Юр. ушел с утра. Мы ели. Голова немного болит. Кончил статейку³. Звонила Персиц. Ходил я к Брикам, Ермолаевой и Семенову. Ничего и никого. Погода чудная. Юр. притащил вещей. Зовут в «Огонек». Пили, ели, хорошо. Читали «1001 ночь».

(100? <р.>)

5 (вторник)

Что было, не помню. Пили дома чай и читали «1001 ночь». Юр. не побыл.

6 (среда)

Что было. Юр. бегал. Или нет. Я ходил к Михайлову. Кажется, дело сорвалось. Вышли в «Вену», немного ссорились. Как досадно, что не вышло. Скоро весна. Тепло, светло, а все не налаживается ничего. Идти темно и жутковато. У Персиц народ какой-то. Гржебин⁴. Он едет с банковскими деньгами в блиндированном поезде. Ольга Михайловна пришла поздно, но в духе. Они затеяли конфеты, а мы поехали в машине Исаича, которая каждую минуту останавливалась.

7 (четверг)

Встали рано, солнце. Хорошо пил чай. Юр. не пошел. Михайлова не было. Зашел в «Привал». Прибрано, уютно, семейно, но открываться не думают⁵. Дома сидит Саша. Мамаша в покупочном восторге. Все сладкое съели. Ходил к Матвею; скучные рассказы. Дома пили чай. Пришел Феликс и Магдалена, она завтра едет. Пили чай. Юр. бегал к Мосолову. Долго сидели. Опять ели и пили. Ни папирс, ни сладкого не осталось. Юр. опять подгоняет ко второй неделе.

(50 <р.>)

8 (пятница)

Что было? бегали везде. Ходил к Михайлову. Ничего. Юр. выбегал. Вечером были у Лян-дау и Фридов, были Лизанька и Переплетники. Скука смертная. Дома Юр. сначала ругался, потом побыл. Ничего у нас нет. Чай пить не с чем. Да, утром Юр. притащил «Kunst und die Künstler»⁶. Приятно очень.

(?)

9 (суббота)

Мамаша не ворчала, а напротив, была очень мила. Смастерили кое-что. Поели. Юр. долго спал. Михайлова все не мог поймать. Юр. пошел вместе. Бродили, бродили, наконец настигли. Помчались обедать, хотя дома и наелись. Покупали кое-чего. Смотрели «Кров<авый> вихрь»⁷, дома пили чай. Леви утром чуть не умер. Дома куплен рис и мясо. Читали прелестную «1001 ночь». Юр. надоела революция сегодня.

200 р.

10 (воскресенье)

Что же было. Дела наши плоховаты, хотя обедали мы хорошо. Писанье и пенье меня неизъяснимо привлекают, но силы и бодрости нет. Вышли погулять. Мягкий розовый воздух, будто ни войны, ни революции нет, но будто и ничего нет впереди. Редкая заброшенность и бесприютность. Оборваны и грязны, в долгах и голодны. Господи, год тому назад было как-то более блестяще. Действительно, дорвавшиеся товарищи ведут себя как Аттила, и жить можно только ловким молодцам вроде Рюрика и Анненкова или Лурье и Альтмана⁸. А м<ожет> б<ыть>, и по справедливости меня забыли. На днях, когда я читал свой дневник, я вспоминал старину (Господи, почти 20 лет); бывали очень тяжелые времена, но не было заботы о других, которые ближе мне себя самого. Теперь покой, любовь, уют и сочувствие. Все то, к чему я тщетно стремился. Благословение на Юр.: он милый, ласковый и преданный друг. Но он болен, в нищете и немного мрачнеет, – я это вижу отлично. Мамаша старается, изворачивается, но естественно, что ей трудно, и иногда подскуливает. Я, конечно, виноват своею ленью и неумением устраиваться. Купил несладких леденцов. Дорого все до смешного или до ужасного – главное объяснение. Но иначе, пожалуй, и не будет. Пили чай кое-как. Читали. Ели еще раз рис. Говорили о литературе. Спорил немного сынок. Потушили нас. Мне все знакомые надо-ели. Хотелось бы видеть Большакова, Сомова⁹.

11 (понедельник)

Звонил Михайлов: прийти сейчас. И Юр. пошел за мною. Погода весенняя вполне. Ужасно долго болтались и в конторе у нотариуса, заходили в «Сатирикон»¹⁰, завтракали у Лейнера. Солнце, будто пьяны немного. Напоминало чем-то день, когда мы снимались¹¹. Жалко мне моих стихов, и главное то, что выбранные, но что же делать¹². Нотариус успокоителен. Подписывался дворянином. У него бы и завещание сделать. Опять к нотар<иусу> в контору. Домой. Мамаша нет. По магазинам. Встретил Л<илию> Юл<ьевну>. Мила она очень. Сладостей купили. Юр. подваркивал немного. Вернулись, пили чай, смотрели поживу. Господи, благо-слови нас! Вывернуться ли?

800 <р.>

12 (вторник)

Господь спасет нас. Поели дома. Мамаша хотела купить гуся. Леви обрадовались деньгам, засуетились и захопотали. Все-таки приятно делать немного веселее других людей. Все закрыто. Пошли, поели в «Вене». Заходили к Перепл<етникам> – нет дома. К Ландау. Лисенков и Волконский. Глупый он очень, но скорее милый. А Ландау (м<ожет> б<ыть>, после слов

Лизаньки <?>) кажутся мне ростовщиками. Юр. бегал за книжками. Дома пили чай, читали и резали книги¹³. Юр. купил себе спермину¹⁴. Поздно звонила Карсавина и заходил Лурье. Забросили мы всех.

13 (среда)

Юр. встал рано и весело. Лекарство действует. Потом выбежал. Пришел Мосолов, вякал о театре при Павловском полке, о моем классицизме, о Раймонде Луллии, о Головине. По-моему, он невежествен. Скромно явился Ив<ан> Пл<атонович>, забрал 2 странички либретто и был рад¹⁵. Пошли после обеда бриться, купить белье. Поехали к Там<аре> Пл<атоновне>, дорога ужасная. Погода ничего. Солнце и мороз. Долгое тепло. Я решил написать письмо Михайлову. Там<ара> Пл<атоновна> в том же доме, где Аргутинский наверху. Комнаты низенькие, солнечные и уютные. Все вещички ее. Сидит с ногой, в чепчике и шьет, мила необычайно. Сидела благосклонная Облакова и кн. Горчаков. Разговоры светски глупые и милые, о дягилевской собачке, которая растолстела, о крысах, как ловят их в деревне, о Фокине, Сомове и Бенуа. Нужно мне встряхнуться. В передней чемоданы и баулы, явно англичанского вида. Аргутинский бывает у нее и коротает время. Пили вино и ели конфеты. Еще было светло, когда мы вышли, а между тем половина седьмого¹⁶. Дома пили чай. Читали немного. Бок у меня болит и денег нет, вот что плохо. Удастся ли завтра баня?

14 (четверг)

С утра Юр. *me scier le dos**, чтобы я звонил Михайлову, упрекал, что я ничего не достал и т. д. Звонил Сашенька. Отправился я. Нет. Пришел Юр. – нет. Пришел. Кажется, на мои комбинации не согласится. Но дал. Зашли к «Пекарю»¹⁷. Вкусно, но содрали. Видели Переплетника и Шайкевича, все стали какие-то противные и надутые, никто не зовет. В баню Юр. не пошел, а отправились в кино. Все было закрыто, купили какой-то дряни. Юр. сэкономил и рассердился, зачем я беспокоюсь о чае. Печально было. Мамаши не было. Сами ставили самовар. Мамаша достала муки. Вечером читали немного. Бок болит.

100 <р.>

* Здесь: приставал ко мне (*фр.*).

15 (пятница)

Звонил Михайлов. Юр. утром дали блинов. Сердился, бросался блинами¹⁸. Ворчал, зачем его не разбудили. Сашенька пришел. Поехали. Долго толковали. Полетели с Юр. по лавкам. Потом домой. Пили чай. Потом еще ходили. Решили к Феликсу не ходить. Ели у Pivato. Смотрели америк<анскую> драму. Дома разбирались и пили чай. Юр. начал прелестный рассказ.

400 р.

16 (суббота)

Веселая, весенняя погода. Юр. выбегал. Я брился. Совсем весна. Одесса взята; теперь, при успехах немцев, говоришь «слава Богу»¹⁹. Мамаша достала чаю. Ходили по книгам. Дома пили чай и читали. Топил печку у Юр.; он книгами занялся. Вздумалось о прошлых годах. Сколько их прошло! А я тот же Миша Кузмин. Как давно не было житья без думы о средствах. Просто жить, а не маяться, вроде лета в деревне²⁰. Все что-то срывается. Но и за то, что есть, благодарю Господа. А за Юр. прямо миллион раз. Это незаслуженное мне счастье. А как он пришел-то, милый. Побыл сегодня.

17 (воскресенье)

Сегодня как-то ужасно ели, хотя Леви и прислали блинов. Приехал Большаков, чтобы похитить нас на блины. Я очень был рад ему. Поехали втроем. Там уже сидели Алешка, книжник. Потом был еще гость и Брякин. Кузовок вновь приобретенный стоит, чудный. Рассказывали плохо про Москву. Блины очень вкусные, хотя и молочные. Напоминало немного Казаковых, хотя Дм<итрий> Серг<еевич> уже и проговаривается про Куинджи, Лесную и Мопассана. Потом затеяли картеж до поздней ночи. Алешка играл прижимисто и всех обыграл. Он с Колей Юдиным открывают лавку на Жуковской. Идти было темно и тихо. Потом начало рассветать. Ни души, ни ветерка. Когда остановились помолиться, было тихо, как в пустыни, шли у Псковского озера, будто вышли рыбачить.

18 (понедельник)

С утра было солнце и хорошо. Пришел Сашенька и Лебедев. Сидели. Утром меня не разбудили, и я сердился очень. Ел без Юрочки. Да, он еще выбегал два раза. Вышли немного. Потом побрели к Шайкевичу. Там Гранди и Гризелли. Идти было холодно и неприятно. Я все вякал. У Шайкевичей ничего, только вина не было. Коллекционерские разговоры. Заводили «Mignon» разных пьянистов. Домой идти лучше. У бедного Юр. обожжена рука. Завтра его рождение. Все ждут немцев. Газеты всех разочаровывают, но это не действует.

19 (вторник)

Что было, не помню. Юр. бегал. Я выходил бриться. Приходил книжник, повели его к Ландау. Опять Юр. убежал. Послали мамашу за сладким. Его рождение сегодня, беднягина. Пирожок черный спекли. Читали «1001 ночь». Поздно топил печку.

20 (среда)

Что было. Юр. бегал в разные места. Потом вместе пошли к Большаковым. Очень хорошо. Полна лавка людей. Муж<чина> покупал книги на пост, [Романченко], еще кто-то. Пошли к ним есть. Толковали. Побежали к Ландау. Там Макс, Есенин и Чернявский. Вякали. Костя все библиотеки пропустит, покупает разные вещи, графины по большей части. Чай пили, хотя ихняя прислуга и скандалила. Рассматривали вещи.

21 (четверг)

Туман, гадость какая-то. Юр. пошел к Елене Клавд<иевне>, я к Матвию. Ничего мы не пишем. Юр. пришел к Семенову, и я ничего не спросил. Дома кое-как пили чай. Пнулись к Шайкевичам не так плохо, как накануне. Были Гранди, потом коллекционеры. Зайчик. Клаша скучает, по-моему. Должен был быть еще Божерянов. Разговоры какие-то охотничьие. Но ничего было. Много играли. Юр. все смотрел книги. Никто ничего у него не купил, а вещи прелестны. Милый, милый, бродит с тюками, а писать бы ему гениальные свои вещи. Все я виноват. Шли с Зайчиком.

40 р.

22 (пятница)

Что же было? Юрочка с утра ходил. Пришел усталый с книгами. Стоял бледный в вытертом пальто, родной и бедный. Боже мой, Боже мой, что же нам делать? Год тому назад было еще лучше. Все, все разрушено. Это правда. И не может быть восстановлено. И все кисло и апатично ждут и подчиняются или безумно надеются на немцев. И как же, как же восстать? Ничего у нас нет и к кому обратиться? Жить можно, только имея тысяч 5 в месяц аккуратных. Бегал за кузинагой²¹. Пили чай дома. У Переплетник<ов> были приват-доценты, поэты, гусь, залив<ное?>, но не было вина. Хозяин болен. Лизанька утешна и Пумпянский мил. Читали.

Юр. болен, очевидно. Еще гасят свет. Какая гадость! Я бы всех расстрелял. Радловы рассказывали о Крыме ужасные вещи²². Вероятно, верны. Господи, когда все это кончится? Доживем ли? Откуда теперь деньги? Юр. продал сегодняшние книжки. Совсем болен. Читаю свой же дневник. Очень интересно, хотя я очень изменился, а часто вел себя дрянцом. Неужели поправимся?

23 (суббота)

Поперся к Матвию. Вякал, но дал немного. Пришлось идти с ним на почту. Погода разливная, очень серая, детски весенняя и кладбищенская. Я люблю места около Калашниковского проспекта. Юр. нездоров. Сходил я к переплетчику, и деньги вышли. Заходил Анненков, все зевал. Дома сидели. Читали «1001 ночь». Чудную сказку, вроде «Шах-Наме»²³. Потушили свет. Юр. писался.

20 <р.>

24 (воскресенье)

Солнце и холод. У Митеньки чудная квартира, Коваленский прелесть: низкие комнаты, широкие коридоры, солнце, слуга, масло, хлеб, ноты. Сам предложил мне денег. Затекает политически-военные авантюры; конечно, дай Бог. Юр. вставал. Кажется, ему лучше. Пообедали. Вышли. Поплелись в «Вену» и кинемо. Было очень холодно. Вздыхаю о прошлом даже годе, как о потерянном рае. Дома сидели, ели, читали. А писанья когда же?

100 р.

25 (понедельник)

Юр. ворчит. Полотеры возьтятся. Пошел далеко на Широкую²⁴. Холод сегодня страшный. Весь продрог. Григорьев нелеп и любезен. Маленький сын его заревел, когда здоровались с ним. Утощал вином. Жена не выходила. Обещал в среду. Насилу дошел. Зубы заболели и очень голоден. Юр. тоже. Нервничал, зачем я болен, лежу, зачем есть нечего и т. п. Позвонил Фридам. Обещали прислать, но сделали это в 12-м часу. Юр. пошел к Ландау по делам. Пил чай дома, еще поели немного.

60 р.

26 (вторник)

Холод такой же. Ходил бриться. Юр. ворчал из-за супа. Ходил по каким-то делам. Поехали сейчас же к Большакову. Он дома, расстроен чем-то. Жены долго не было. Кажется, повздорили. Был книжник и Макаров. Было уютно, ничего себе. Дома еще ели немного. Смутно мне немного.

27 (среда)

Холод и солнце. Еле добежал за папиросами. Григорьев не звонил. Юр. пришел усталый. Не пишет, все бегаёт по делам, устает, голодный, не говорю про то, что оборванный. Есть мало чего, свечей нет, сахару нет. Заходил я к Ясному, дружочку, – никого нет. В «Привале» Душка гуляет. Открываются. Шурочка живет на Моховой, они у нее обедают. Юр. выбежал с книгами, принес меду. Я пошел к Переплетник<ам>. Гр<игорий> Моис<еевич> жалуется, выкает; продают потихоньку кое-что. Ужинали, ничего было. Беседовали. Юр. звонил, чтобы идти к Каплану. У него прекрасные книги. Rundschau²⁵ и т. п. Забегали еще к Ландау. Прекрасная луна. Теплее. Дома без свечей варили коренья. Луна ясно-ясно светит.

30 р.

28 (четверг)

В чудное солнце отправился на траме к Григорьеву. Будто бы еще ничего нет. Тем же путем обратно. Снег блестит на солнце, простая публика в вагоне, всё домашне и кладбищенски. Дома Юр. выбегал за сладким. Пришел книжник. С Ясным не вышло дело, жалко Юрочку. Купили свечей. Ехали опять в траме. Гранди простонародно изящны и милы. Альтман хитрее и менее приятен, но пишет хорошие вещи. Сегодня у них Пасха. Приятно обедали. Смотрели книги. Giovanni пел²⁶. Сами ставили самовар. <нрзб>. В «Привале» скучный Коля Петер. Потом прелестно сидели: когда они не бедствуют, то очень милы. Шурочка, кажется, с бароном. Дома еще ели.

29 (пятница)*

Теплее. Как-то нервно я чувствую. Выходил за папиросами. С Юр. делами выходит вздор. Мамаша готовится к Пасхе. Плохо, когда у всех в разное время²⁷. Лег спать. Я присел было, но ничего не вышло. Топили печку. Зашел я к Переpletн<икам>. Один Гр<игорий> Моис<еевич> говорил со мною, был мил. Зашел купить сладкого. Звонил еще Феликс. Магдалина никуда не уехала. Милы. Я их люблю. «Ревекк» не берут²⁸. У Фридов много народа. Все Дармлатовы. Какие они красавицы!²⁹ Сидели ели, но вина не было. Потом играли в карты. Бобиша не было. Тепло.

40 <р.>

30(суббота)**

Этот год не одинаково праздник, и мне как-то нет впечатления Пасхи. Бедная Вероника Карловна: два яйца, сметана, баранина, кусочек ситного, – вот и вся Пасха. Жалко до слез. Выбивается из сил, чтобы хотя что-то было. Выходил бриться. Чудная погода. Хотел зайти за книгами к Матвию, позабыл. Юр. нет дома. Сидели, что-то ворчали. Каплана надули, пойдя к Брикам. У О<сипа> М<аксимовича> планы газеты и пьес моих³⁰. Долго сидели. Играли в покер. Дома затопили печь и протопились до утра. Был Юр. хорошо.

* В тексте ошибочно: 30.

** В тексте ошибочно: 31.

31 (воскресенье)

День обворожительный. Хотелось даже проехать на Петербургскую. Юр. все спал. Пришел Сашенька с греком. Уютно. Мамаша старается быть довольной. Поплелись на <Петроградскую> сторону. Сначала была приятна кладбищенская оттепель и посадская публика, но скоро взяла скука. Григорьев надут, надменен, говорит шепотом или молчит, жена спит, ребенок бьет его, шалит и ругается. Хозяин через полчаса пытается нас занять «Сатириконом», потом говорит, как неудачно мы пришли, ничем не угостил (Юр. ка<к>-то по-товарищески рассчитывал на вино), жаловался, врал и ни копейки не дал, даже не прося заходить. Я чуть не плакал от оскорбления больше, чем от огорчения. Зашли к Анненкову: солнце, веселые картинки, пустой чай. Читал стихи, расцеловался, когда я одобрил³¹. Поза, м<ожет> б<ыть>, но веселая поза. Боже мой, как плелись. Заходили еще к Любавиной. Растрепанная старуха сказала, что Н. Н. нет и что меня она не узнала. Боже мой, куда все сгнуло? кого винить? Умереть, умереть, умереть! Ничего нет. Зашли за сахаром к Щербакову³². Там куча молодых офицеров обедают. Выпили вина. Они милые, какой-то дореформенный режим. Дома попили чаю. Но что же делать? Леви нужны обязательно деньги.

Апрель 1918

1 (понедельник)

Утром пошел к дружку. Встретил его. Поговорил о дневнике. Все хвалит Юр. и мои вещи. Я прекрасно настроен. У Матвия взял книги. Юр. еще спал. Но сейчас же замрачнел, придумывая, куда бы пойти. Прислал книжник бумаги и книги. Ходить надо. Я пошел в «Аргус», но Радлова не застал¹. Юр. ужасно убит и недоволен. Долго не было чая. Побежал к Левкию. Попусту, конечно. Отгласили Чудновских. Ландау звонил успокоительные вещи. Решили идти в «Привал». Было очень мило, но Юр. все мрачнел. Вера Александровна позабыла у Шурочки деньги. Завтра. Дома опять ворчал, что я не забочусь о нем и мамаше, очень неприятно. Положим, ему очень тяжело.

20 <р.>

2 (вторник)

Чудный день. Саша пришел. Юр. вставал без меня. Холоден и удручен, может быть, историей с Ясным. Пошел я в «Привал». Милы. Юр. еще не было. Я очень обижен, хотел даже не курить. Юр. пришел веселым. Все кончилось благополучно. Обедали. Побежали к Брикам. Ничего еще о газете не говорит. Был там безухий Гринкруг с маслом. Купили Рабле и миндаль. Погода чудная. Юр. радуется очень. У Ховина вдруг нашли чудную книжечку с Ходовецким². Забрали тотчас же. Рад я ужасно. Заходил Левицкий, а я его и не узнал. Брит был. Купили котлет и варенья. Дома пили чай. У Жевержеева целая куча товарищей и Волков, смотрящий книги по искусству. Растерян и испуган. Его арестовывали. Смотрели по масонству, мемуары, раскол и путешествия. Скорей бы открываться. Дома пили чай, я все люблюсь на Ходовецкого. Что-то завтра?

(70 <р.>)

3 (среда)

Переписывал. Вышли вместе. Был у нас Коля Климов, подводит глаза, но стал тяжел. Брился. У Ясного ничего; к лавке относится скептически. Зашел в «Землю»³; там наши отбирают книги. Юр. очень устал от голода. Плелись домой. Потом пошел в кинемо. Я ждал. Книга с Ходовецким радует меня невыразимо. Чудновские пришли поздно. Мамаша обиделась, зачем гости, когда самим есть нечего. Все читали. Не огорчился ли Юр. Его рассказ все забил. Каким-то газеты начинаются, меня никто не зовет. Говорил с Левицким, но вдруг потерял веру в успех.

45 р.

4 (четверг)

Что же было? Сашан пришел с предложением квартиры. Действительно, редкий случай. Вот бы тихо пожить, не трепеща, имея лавку, работая. Саша спал, мы дивагировали что-то. Пошли к дружочку. Уезжает, но просил подождать. И Юр. пошел пройтись. Разные газеты: почему меня никуда не зовут? Звонил Левицкому. Менее официален, но холоден. Говорят, он глуп, – может быть, оттого так топорен. Читал. Кажется, Аркадий был взволнован, ответ в субботу. Господи, если бы удалось. Шли весело. Юр. к Каплану, я к Лизаньке. Были там званые и незваные. Персиц мила была очень. Мечтает о журнале⁴. Ели пирог.

40 р.

5 (пятница)

Что было утром, не помню. Никаких денег нет. Были у Ландау. Пошли вчетвером к Воинову. Купили книги. Сами их тащили. Я зашел к Левицкому. Принципиально не прочь. Ответ завтра. Мил, но официален донельзя. У Ясных было ужасно мило. Сидели долго, пили, ели, играли.

5 р.

6 (суббота)

Дождь и снег. Сашенька рано явился. Пошли, невыспавшиеся, смотреть квартиры. Ужасный хлам: темнота, кошачья лестница, битком набито жильцами, ломаная мебель. Пошли с Юр. к Волкову, там Лебедев, Аргутинский, книги: занятно. Кое-что купили. Что же было дома? ели как-то бесчинно. Звонил Левицкому – до понедельника. Погода разгулялась. Шел к дружку. Дело едва ли выйдет. Сытин ругает и предлагает месячное. Ехал он к Митьке. Всем звонил, никого нет. Юр. болен.

7 (воскресенье)

Чудная погода. Тихо, празднично, настоящее Благовещение. В церковь бы. Шел чудно. Захотелось оттаявшей земли. Дружок что-то коллекционирует. Шел домой. Купил котлет, варенья, печенья, горошку. Юр. встал. Саша сидит. Что-то мамаша недовольна моими покупками. Я обиделся. Лежали, читали «Фирфакса»⁵. Потом явился Мосолов. Скучноват. Да, утром был в лавке. Там ничего не привезли, и такой мусор, что с неделю не вычистить. Ландау пошли к Пивато. Проходил Мандельштам в Мариинский дворец, гордый своим положением⁶. Не знали, идти ли к Чудновским. Юр. очень слаб. Побежали, чтобы поесть. Магдалина очень мила. Юр. сидел в жару и ел. Радлов был. В Академии колтошятся⁷. Все-таки Сологуб достиг своего: признали его 3-м писателем: Горький, Андреев, Сологуб. Все пристраиваются. Бог с ними. Как-то смутно. Все просят денег. Хозяйка сидела, вытянув ноги, в лиловой кофте и желтой шали, перед ней огромный флакон духов, и говорила деликатно о плате. Потом стали играть в покер. Призрак какой-то жизни есть в них. У Чудновской ребячье студенчество, но потерянные немного. Забегал к Косте опять. Жаловался, но деньги дал. Юр. еще не спал.

80 р.

8 (понедельник)

Что было. Утром не помню, что было. Юр. болен, бедняжка. Мамаша купила коврижку к чаю. Юрочка обиделся. Он достал денежек, бродяжка. Вечером поздно пошли к Персиц. Было мило. Пели, пили, был народ. Наложили полный карман сахара и конфет. Да, Левицкий отказал.

9 (вторник)

Чуднейшая погода. Юр. болен. Целый день сижу, все просят долгов. Господи, Господи, устрой нас. Щербякова нет, Левицкие спят. У Большаковых рады, но какие-то не такие радушные. Пил чай, вспоминая Пасху. Весна в Апраксине чудна. Распродались, все получше вещи ушли. Пошел со мною, зашел, спорил с Юр. «Тихий страж»⁸ не нравится, период разочарованья. Пообедав, побрел в «Привал». Вера Александровна мила, хочет сама купить дневник⁹, цветы у них. Денег нет сейчас. Щербякова нет. Дома звонит Митенька. Там Тэффи, светло, чисто, пахнет цветами, поэты, очень славно. У Феликса полон стол гостей, Анненковы, Неслуховская, хозяйева, Радлов etc. Скучновато.

40 <р.>

10 (среда)

Не помню, что было. Все бегал и ничего не достал. Юр. ругал меня, посылал ночью к Лизаньке. Наконец сам пошел со мною. По пустым улицам стреляют неизвестно откуда. Было мирно и уютно.

40 р.

11 (четверг)

Писали в лавке. Вечером были в «Привале». Господи, дай, чтобы устроилось! Кормили нас. У В<еры> А<лександровны> хорошие вещи все-таки, и вкус к ним. Я читал дневник. Если бы это устроилось!

40 <р.>

12 (пятница)

Все переписываем. Утром Юр. все ругался, зачем я прямо не иду к Руманову. Плохо обедали. Пошел к Матвию. Весел. Книги идут хорошо, все исправно. Заход<ил> еще в «Аргус», но там никого не было. У дружка были гости. Бродил я, кажется, он им показывал мой портрет, что весьма неприятно, но, выбежав, дал мне. Жалко мне Юр. портрета до слез, будто сделал дурное дело. Обедали у Пивато хорошо. Покупали кое-чего. Но Юр. скандалил из-за сладкого и даже из-за Пивато. Дома пили чай. Читали «1001 ночь».

160 <р.>

13 (суббота)

Теплый, мокрый денек. Приятно идти утром с Юр. в лавку, хотя он и поваркивает всегда. Взяли гимназиста, ничего себе¹⁰. После вчерашних моих капризов обед был ничего, хороший. Потом опять поехали. Прекрасная погода. У Большаковых все-таки какой-то холодок и не так уютно. Наговорил Алешка, что ли. Немного надоели мне они, жить все-таки рискованно. Затеяли картеж. Сначала стуколку¹¹, где Юр. зевал, потом извлекли хозяина с картами и засели в 21, причем проигрались в пух и прах. Идти на заре было тепло и хорошо. Юр. меня подбадривал. Дома ели и пили чай. Юр. – нежен очень. Сыночек.

100 <р.>

14 (воскресенье)

Что же было. Утром пришли Сашенька с греком. Говорили о гравюрах, книгах, как в мирное время. Юр. встал, обрадовался. Я вскочил сравнительно рано. Пошли в лавку, никого, кроме Левкия, нет. Зашли в «Вену», поели. Печальная погода, вроде осени. Ходили еще в кинемо. Я спал. У В<еры> А<лександровны> было хорошо, читались, ели. Дело, кажется, решено на этой неделе.

90 р.

15 (понедельник)

Холодный день. Пошел рано. Встретил Рюрика. Потолстел, отпустил бороду, серьезен и солиден. Московские новости: Шершеневич зовет меня читать, был мой вечер, «Эпоха» вышла¹². Дружествен. В лавке все в сборе. Маленькая что-то скупа и эхидна <sic!>. Беззубая, по-моему. Поехал домой. Да, заходил к дружку. Купил какой-то дряни и побрился. Обедали. Опять поехали. Вечером звали Ландау. Юр. отправился к Каплану, я занимался немного. Хозяйка злая, больная и трепаная, просила денег. У Ландау было холодно и голодно, не блестяще. Были Лизанька, Радловы, Макс, Володя и Чудовский. Дома ели рис еще.

40 <р.>

16 (вторник)

Ясно, но холодно. Ходили в лавку. Ляндау денег Юр. не дал, конечно. Заходили к Ясному, выудили там меланхолического Феликса. Вышла «Эпоха». Юр. нет, я все сплю. Ходил к Семёнову, но деньги у него слизнул Рославлев. Как взгляну на стенку и увижу Вероккио вместо Юр., не могу простить себе, что продал портрет. Были еще в лактобациллине, какая фельдшерская гадость!¹³ Нельзя вспомнить, а погода такая, что пить бы вино, покупать галстухи, гулять, слушать Моцарта, писать и читать. Боже мой, Боже мой! Юр. вернулся усталый поздно. Пришел Лурье. Говорил массу интересного. Хотят ставить Mozart'a. Концерт Дебюсси. Как передаются симпатии! Хотя, все-таки, улитка. Мамаша буянит.

17 (среда)

Прекрасный прохладный день. Встретили Папаригопуло, с ним пошли. Юр. побежал вперед, заплетая ножками¹⁴. В лавке чисто, один Тадеуш топит печь. Юр. ничего не достал. Говорил: «Что мне делать?» и т. п. Зашли в «Привал» за сахаром. Планы об опере Моцарта, милы крайне. Мамаша бушует или сидит укоризной и плачет. Накупила своих кореньев. Дремали. Опять поплелись. Лисенков тоже завтра, но дружок дал. Бежали, чтобы успеть купить, в лавочку. Мамаша в полнейшей оппозиции, жжет свечу, пьет чай, на все купленное фикает.

18 (четверг)

Теплее. Утром были в лавке. Шли пешком, покупая кое-что. Дома ничего, хорошо. Опять помчались. Ехал с Пастуховым. Долго ждал Юр. В лавке масса знакомых, книги расхватывают. Кокоша приходил с планами журнала, был только что в «Привале». Теперь они мне очень милы. Устал очень. Дома хорошо пили чай. Мамаша смягчилась. Юр. под конец захандрил о писаньях.

40 <р.>

19 (пятница)

Сидел дома. Потом ходил к Матвию. Долго ждали Юрочки. Приходил Пастухов и Ив<ан> Пл<атонович>. Тепло, как в теплице. Помчался в лавку. Один Тадеуш. Никто не приходил. Был народ. Но открываться нам не разрешают. Это грозит. От этих денег я – как умираю. Так Кокоша дурак и не пришел. Зашли в «Привал», – нет. У Бриков напечено, нажарено, но я и Юр. проигрались в карты. Печально возвращались на рассвете. Все покупают вкусные вещи, едят, ездят в Москву, а мы-то. Осип Макс<имович> увлечен уже новой идеей.

20 (суббота)

Чудесная погода. Тепло. Юр. отправился рано. Я ходил в «Привал», где никого не было. Подозрительно это дело, но я их очень люблю, особенно теперь. У В<еры> А<лександровны> есть прелесть жизни. Перепл<етники> собираются уезжать. Юр. пришел поздно, наташил книг. Мамаша купила картофеля. Опять пошли порознь. В<ера> А<лександровна> не очень надежна. Сама получит, говорит, только 4000. А месячные платежи?¹⁵ Конечно, будут недо-разумения. Вышли вместе, пошли за Душкиным пальто. Встретили Добужинского. В лавке масса народа. Покупки, совещания. Как-то мало на нас обращают внимания. Поели хорошо у Лейнера. Смотрели Кавальери, все-таки хороша, хотя и похожа на Татьяну¹⁶. Тепло, луна, волшебна. Поехали на Марсово, но В<ера> А<лександровна> долго не обещала. Разбудили мамашу и пили чай. А деньги-то, а писанья, а Апулей?¹⁷ Вымыли кисейные занавески, уютно, но Леви, как туча, надо мною.

240 р.

21 (воскресенье)

Темновато. Юр. вскочил чуть свет. Я писал. Юр. читал и спал. Мамаша купила масла. В лавке разные события. Боюсь, не оттирают ли нас. Забежали еще в «Вену». Луна светит хорошо. Шли спокойно, хотя денег ничего нет, истрачены лавошные и Леви ничего не заплачено.

22 (понедельник)

Утром был в лавке. Матвей ничего не дал, не знаю, как и быть. Заходил еще к Михайлову. Он все с планами. Ели где-то. Вечером были дома, кажется.

23 (вторник)

Встали рано. День чудный. В лавке народу много. Бегали завтракать. Денег не хватило. Знакомые были. Был Мелин, в нем много шарм'а. Заходил к Мелье. Покупают книги. Мил С. Н., но Михайлова не дождался. В лавке уже запирались и собирались пить чай. Милый Дмитриев остался. Говорили речи Жевержеев, я, Плаксин, Лисенков, Ляндау¹⁸. Зашли еще в «Привал». Там полотеры. Одетый Кокоша жрет миндаль и чего-то хамеет, предлагал звонить Гольштейну. Теплая розовая луна. Вера Александровна расстроена, надеется на деньги завтра, заключает контракты с куклотистками etc.¹⁹ Вышла с нами. Дома хорошая еда и даже белая булочка. Звал Ленечка, но отклонили. Вот так. Рано легли. Леви милы и усмирены.

24 (среда)

В лавке ужасно много народу. Не успевали продавать. И чудный день. Звонил с утра Бенуа и Тамаре Платоновне. Милы, но не пришли. Вообще никто из генералов не пришел. Было сытно и пьяно. Настряпано очень много. Речи. Танцевали пантомиму. У маленькой есть жуткий и поганый шарм какой-то беззубой девчонки. У молодых людзей Мейерхольдовщина. Забегал я еще к Мелье. У него много интересного, но Михайлов опять хочет делать выборки²⁰.

100 р.

25 (четверг)

Чудная погода. Народу в лавке мало. Все только мы сами покупаем, переписываем да расцениваем. Юр. что-то хорохорится. Оказалось, вчера он бутылочку Икема²¹ стащил. После обеда лег спать, и я дремал. Феликс говорил о разных газетах. Вышел бриться. Опять сидел дремал. Юр. даже разбудил, чтобы он не проспал до ночи. Звонил в «Привал» – до завтра. Хотели сходить куда-нибудь. Переплетники заняты, Щербакова нет. Вышли купить сладкого в паштетную и к Марку. Сидит в адски натопленной комнате, без сахара и хлеба, мечтает о своей Молдовании, рассуждает о политике²². В комнате у меня тепло, луна ярко светит, печенье с вином, планы о покупке книг и милый, милый Юр. рядом, усталый только и опечаленный немного. Перечитывали мои стихи 16-го года – неплохо, но теперь-то слабо пишу²³.

26 (пятница)

Все в лавке. Бегал ловить Михайлова. Устраивали выставку. Поехали к Ясному. Там скучно и скуповато, хотя о планах толковали.

40 р.

27 (суббота)*

Что-то ничего не помню. Устаем, умираем от безденежья, и Леви <sic!>. Все бегал к Михайлову, не заставая его. Приходила Вера Александровна звать вечером. Она опреде-

ленно отлынивает. Купили хороших книжек. Ни сладкого, ничего нет. Вечер чудный. Зашли к Щербакову попить чай. Поздно домой пришли, устали как собаки. В «Привале» напечено, нажарено, Бобиш, Ел<ена> Ал<ександровна>, Шайкевичи, ужасный Хенкин, от которого там все в восторге, Футлин; о деле ничего. В<ера> А<лександровна> расстроена и уклончива. Юр. ругал меня дома долго. Легли, когда было светло. Еще прислали ультиматум из банка. Действительно, положение наше безобразно, хуже худшего. Легли не в духах. Только что я приободрюсь, опять Юр. начинает сердиться за бездеятельность. Боже, что же с нами будет? Сегодня Вербная суббота, все у всенощной, свечи, вербы. Смирнова и Клаша говорят о провизии, о покупках, Юр., голодный, ободранный, сидит и слушает. И устает с лавкой этой.

28 (воскр<есенье>)**

Утро как в теплице. Без сахара пил чай. Юр. спит. Пошел. Травой пахнет, как на кладбище. Сегодня Requiem. И я умру. Трусость – такие мысли. Шел по Мариинской площади. Как давно я жил у Евдокии²⁴. Все было на месте: Альбер²⁵, газеты, вино, – все. Заколоченные окна Альбера как знак. Не увидеть никогда места первых и многих влюбленных наших завтраков. Какой весенний был свет тогда. Юр. был ветрен, капризен, но не так мрачен и скуп. Дружок вошел в положение и был довольно мил. Купил шоколаду. Юр. спал еще. Пришли Щербаков и грек. Обедали без мамы. Я хотел сказать Юр.: «Юр., я люблю вас невыразимо. Бросьте матерьялизм и малодушие и пойдем слушать божественного Моцарта». А он опять начал какую-то канитель о деньгах. Однако пошли. Было чудно. Как в придворной пышной форме апокалипсического откровения. Мальчики пели, как у Гирландайо. Мила Акимова и прекрасна Мейчик²⁶. Юр. был растроган. Арт<ур> и Ол<енька> были рядом. Фигуряли Пунин и Альтман. Глазунов кисло ползал. Шли со Щербаком. Дождь как из ведра. Забежали в «Пекарь», где чай с сахарином и не сладок. Вымокли как мыши. Звала Лулу Каннегисер. Юр. не хотел идти и лег спать. Люблю его и жалею, но клюю носом. У Каннегисеров придурковатая, но довольно милая Яковлева. Хозяева нервны, угощение попропало, Ленечка подпоясался высоко и держался марсиально*. Дождь как из ведра все время.

* В оригинале: 28.

** В оригинале: 29.

60 <р.>

* От *лат.* *marcial* – боевой; здесь: воинственно, молодежато.

29 (понед.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.